

Олег Тиньков

Я такой как все

Олег ТИНЬКОВ
Я такой как все

«ИП Анисимов О.Ю.»

2010

Тиньков О. Ю.

Я такой как все / О. Ю. Тиньков — «ИП Анисимов О.Ю.», 2010

ISBN 978-5-9902155-1-1

Книга рассказывает о становлении известного предпринимателя, уникального бизнесмена и очень интересного человека – Олега Тинькова. Кажется, нет такой сферы бизнеса, в которой Тиньков не работал и не создал нечто нетривиальное. Торговля и технологии, производство и финансы – все привлекало внимание Олега Тинькова. И каждый раз он строил свой бизнес с нуля и в каждой области достиг успеха. Но эта автобиографическая книга – не только история удачливого предпринимателя, это еще и история неординарной личности, его семьи, его мира – маленький срез времени. Книга будет интересна не только начинающим бизнесменам, но и самой широкой публике.

ISBN 978-5-9902155-1-1

© Тиньков О. Ю., 2010
© ИП Анисимов О.Ю., 2010

Содержание

Такой, как все.	5
От издателя	9
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	39
Глава 5	47
Глава 6	53
Глава 7	59
Глава 8	63
Глава 9	68
Глава 10	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Олег Юрьевич Тиньков

Я такой как все

Посвящается моему отцу

Юрию Тимофеевичу Тинькову (1937-2002)

и отцу Рины Восман

Валентину Августовичу Восману (1935-2006), кузбасскому и эстонскому шахтёрам

Такой, как все.

Уважаемые читатели, я написал эту книгу от чистого сердца, от души – не для того, чтобы кого-то поучать или показать, какой я крутой. Просто описал путь, который прошёл за 42 года.

Нам, родившимся в конце 1960-х или начале 1970-х годов, очень повезло. Мы попали в переломное время – водораздел между социализмом и капитализмом. Через свою биографию я хочу описать этот драматический период истории нашей страны. Книга не имеет поучительного характера, а если кто-то посчитает её таковой, он будет заблуждаться. Я не преследовал такой цели.

Но имеющий уши да услышит. Если я кому-то помогу своим опытом, буду счастлив. Умный человек всегда учится на чужих ошибках, находит в жизни других что-то интересное. Пожалуйста, учитесь, находите ответы на свои вопросы.

Но повторю, это не книга «Как создать успешный бизнес». Не самоучитель, не наставление, а просто описание моей жизни.

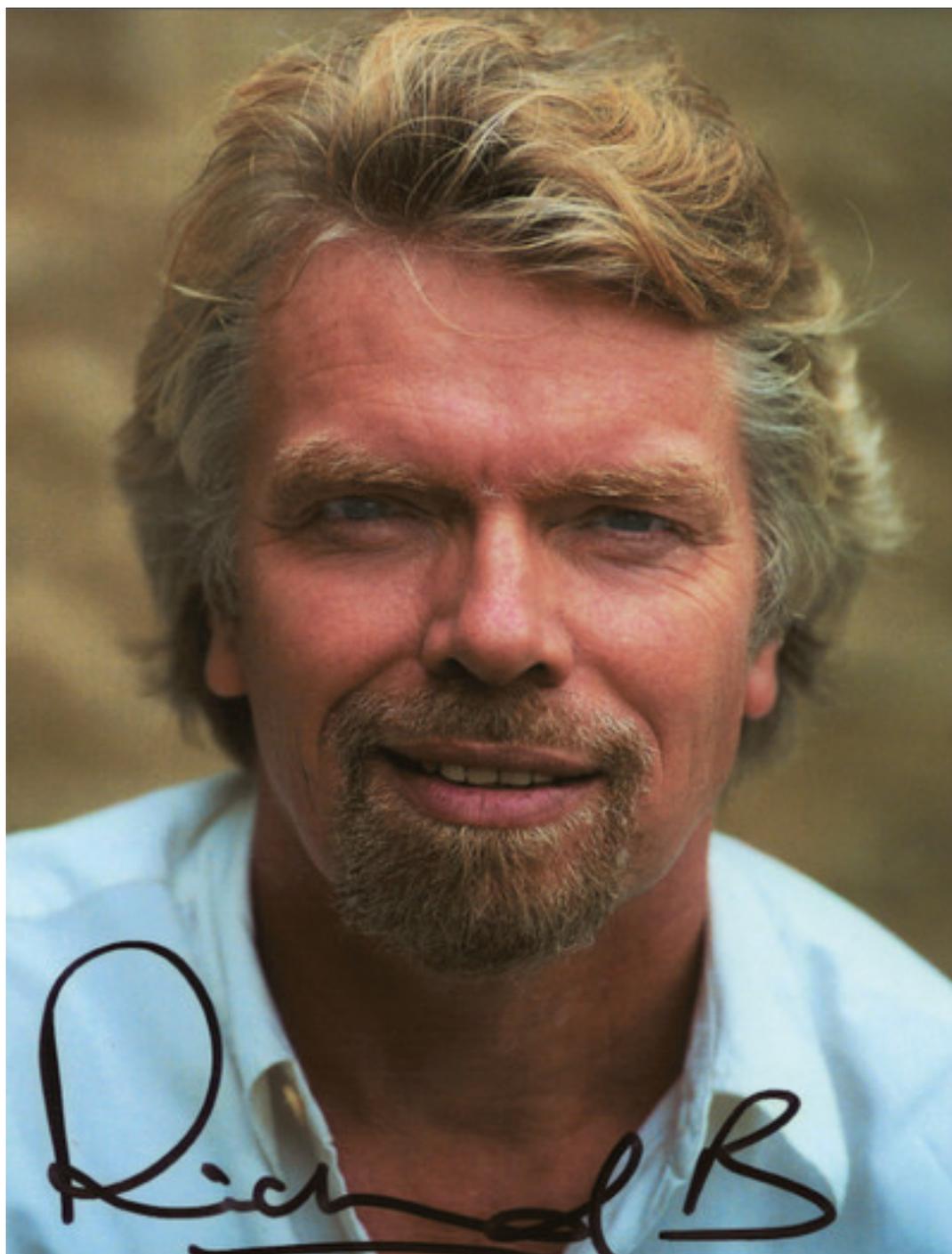
Олег Тиньков.

Я заранее согласился написать небольшой отзыв к книге Олега, потому что мне очень нравится он сам и его семья. Прочитав рукопись, я понял, насколько полезна она будет всем честолюбивым предпринимателям России. Этот человек построил империю буквально с нуля! Вот путь для предпринимателей будущего!

Ричард Брэнсон, основатель компании Virgin

I initially agreed to write this blurb for Oleg's book because I like him and his family enormously. Having read it I can see how useful it would be for aspiring entrepreneurs in Russia to read. Here's a man who literally built an empire from scratch without the help of handouts from Russian residents or family! He shows the way for the new entrepreneurs of the future!

Richard Branson, Virgin

От издателя

Работая журналистом в Петербурге, я занимался финансовыми темами, поэтому с Олегом Тиньковым, торговавшим электроникой, производившим замороженные продукты и владевшим рестораном на Казанской улице, по работе сталкиваться не приходилось. Однако где-то с 1995 года я уже знал о существовании амбициозного бизнесмена и удивлялся, как резко он меняет сферы деятельности.

В 2002 году я переехал в Москву и стал работать главным редактором журнала «Финанс.». Компания «Тинькофф» заинтересовала меня уже «по работе», потому что вышла на финансовый рынок. Ресторанная сеть с оборотом в девять миллионов долларов умудрилась выпустить облигации на 13 миллионов, чтобы финансировать расширение производства бутылочного пива. Интерес подогревался гениальной рекламой пива со слоганом «Он такой один». Я стал внимательно следить за дальнейшими действиями Олега и в начале 2004 года попросил его об интервью. Он согласился, и мы познакомились.

Олег тогда уже ввязался в то, что в этой книге называет аферой. На заёмные деньги он стал строить крупный пивоваренный завод. С одной стороны, пивная отрасль была консолидированна, и маленькому игроку выжить на таком рынке было очень непросто. С другой стороны, как раз мощные игроки могли купить новенький завод. А если не купят? Интрига. За Олегом Тиньковым снова было интересно наблюдать.

Когда летом 2005 года я узнал, что «Тинькофф» продан бельгийской InBev больше чем за 200 миллионов долларов, то сразу подумал, что история такого успеха достойна книги. Потом Олег занимался велокомандой, а в 2006 году рассказал мне, что организует банк «Тинькофф Кредитные Системы». Модель представлялась оригинальной – никто в России исключительно кредитными картами тогда не занимался. Я, по правде говоря, не верил в то, что проект станет успешным (ну не может же человеку всегда везти на абсолютно новых для него рынках!), но факт остаётся фактом: по итогам 2009 года банк получил чистую прибыль почти в 20 миллионов долларов.

В 2007 году я предложил Олегу вести еженедельную колонку для журнала «Финанс.», и он согласился. Тогда же я напомнил Олегу про книгу и даже отправил ему первый абзац: «14 сентября 2007 года Олег Тиньков вернулся из двухмесячного заграничного турне, где наслаждался своим статусом владельца велосипедной команды. По приезде в офис он первым делом подошёл к огромному аквариуму, стоящему в приёмной, и поинтересовался судьбой рыбок. Выяснив, что одного малька съели крупные рыбы, он слегка расстроился, но тут же проявил оптимизм: остальные мальки ведь выросли, а значит, им мало что угрожает. Именно в положении малька на рынке кредитных карт находился в тот момент банк «Тинькофф Кредитные Системы»».

Прочитав присланный абзац, Олег отметил: «Интригующее начало», – но сказал, что пока не достоин книги. Мол, продаст банк за миллиард долларов, тогда уж можно. Писать же про бизнесмена без его участия неправильно: эксклюзивной фактуры будет очень мало. Спасибо основателю Virgin Ричарду Брэнсону, пару раз агитировавшему Олега за написание автобиографии. Так или иначе, летом 2009 года Олег созрел. И в конце августа приступил к работе, попросив меня помочь. Работа заняла полгода и в марте 2010 года мы отдали книгу «Я такой как все» в вёрстку. Она перед вами. Уверен, каждый извлечёт из неё что-то ценное.

Олег Анисимов

Олег Тиньков и Олег Анисимов работают на книгой «Я такой как все» на острове Эльба

Глава 1

Между пивом и банком

Лето 2005 года я со щенячьей радостью провёл в Тоскании – катался на велосипеде и отдыхал. Я испытывал тогда довольно приятное чувство – избавления от всего, – так как только что за 260 миллионов долларов продал свой пивной бизнес «Тинькофф» бельгийской компании InBev. В 37 лет я стал настоящим мультимиллионером.

Интересно было на собственном примере наблюдать эволюцию российского сознания. Когда в 1998 году я продал сеть магазинов «Техношок», а в 2002-м – «Дарью», все меня жалели. Ведь раз продал, значит, лузер, бизнес потерял. Когда провёл сделку с «Тинькофф», уже хвалили, то есть очень быстро в деловой среде произошла эволюция: люди поняли, что продавать бизнес – это круто. К счастью, я осознал это лет на десять раньше многих. Потому что нет ничего лучше, чем продажа: только она в деньгах оценивает твой бизнес, твои затраты, твои таланты, и продажа даёт возможность сделать новый проект, ведь появляются не только деньги, но и время на него.

После отдыха на Тирренском море в Италии мы вернулись в Москву, собрали вещички и вылетели в Сан-Франциско рейсом Lufthansa, всей семьёй, с няней – в дом, находящийся в Марин-Каунти, который объединяет 10-15 небольших городков, сразу за знаменитым мостом «Золотые Ворота».

Вот так выглядит человек, недавно продавший свой пивоваренный бизнес за 260 миллионов долларов. Я в 2005 году на фоне моста «Голден Гейт» в Сан-Франциско

Это реально лучшее место в мире для жизни с точки зрения инфраструктуры: всего 20 минут до центра Сан-Франциско и прекрасный вид на город. При этом живёшь, по сути, в лесу – рядом олени гуляют. Там супершколы, причём не частные, а муниципальные. Мой старший сын Паша как раз пошёл в первый класс, а дочка Даша – в седьмой класс самой обычной муниципальной школы города Милл-Вэлли. Городок примечателен тем, что оттуда родом Тимоти Лири, изобретатель ЛСД, и хотя отношение к наркотикам у меня негативное, факт остаётся фактом.

Я люблю раз в пять лет (так обычно по жизни получалось) поехать пожить годик в Америке. Дети ходят в местную школу, общаются со сверстниками, а я подсматриваю идеи, учусь и наслаждаюсь, так сказать, американскими свободами. Правда, примерно через год я устаю – в Америке очень много тупости. В ней есть что-то общее с Советским Союзом, но лучшие её черты заслуживают детального изучения и анализа – гораздо большего, чем я могу дать на страницах своей книги.

Америка – интересное собрание людей, интересный менталитет и очень правильное место для обучения жизни и бизнесу. Конечно, я не про две недели, а более длительный период – год или два. Сейчас этого меньше, но в 90-е годы многие успешные люди – из шоу-бизнеса, из предпринимательской среды – так или иначе были связаны со Штатами и приезжали оттуда. Например, из шоу-бизнеса – Александр Гордон, Владимир Соловьёв, Татьяна Толстая, Оксана Пушкина. Многие бизнесы, такие, как «Дон-Строй», «Юнимилк», «Вимм-Билль-Данн», связаны с людьми, которые пожили в Штатах и по возвращении уже понимали, как сделать успешный бизнес в России. Именно в Америке они постигли его азы.

Далее пойдут заявления, которые могут показаться безапелляционными, но они – мои. Америка – страна с самой большой конкуренцией. Это единственная страна, где бизнес возведён в ранг науки. У нас есть социология, политология, физика, математика, а у них ещё одна наука – бизнес. Есть огромные университеты, кафедры, школы, колледжи, где подходят к нему с научной точки зрения. Соответственно очень трудно конкурировать с американскими бизнесменами. Они самые агрессивные, самые жесткие, отчасти циничные, но очень эффективные. Достигают, чего хотят, умеют делиться, идти на компромисс, но с одной целью – заработать ещё больше.

В Америке бизнес препарируется, раскладывается на части. Отчасти это связано с ментальностью американцев, протестантством, но отчасти – и с устройством страны. Если у нас в букваре (где «мама мыла раму») дети складывают яблоки, то маленькие американцы учатся на долларах. Всё заточено на деньги, на их накопление и понимание того, что, если у тебя их нет, ты неудачник, а если есть, то хорошо тебе и семье. Это и есть воплощение так называемой американской мечты.

При этом американцы умудрились построить такое общество, где бизнесмены не на словах, а на деле заботятся о социальной ответственности. Не откупаются по звонку из Кремля, а делают это по звонку сердца. Почувствуйте разницу!

Вообще американцы – интересные и правильные бизнесмены, не все, конечно, но в целом. В последнее время в связи с кризисом наезды на капитализм участились, и через день по радио и на телевидении вспоминают фразу Маркса (уж не знаю, говорил ли он её в реальности): мол, за 100 процентов прибыли любой бизнесмен совершит преступление, а за 300 процентов – убьёт человека. Возможно, в XIX веке нравы были более дикие, а общество не таким цивилизованным, но сейчас бизнесмены дают примеры высокой морали.

Прибыльны ли инвестиции в Россию? Да, конечно! Являются ли они более прибыльными, чем инвестиции в Индию, Китай, Бразилию, не говоря про Европу? Да, наверное, в России можно заработать раза в два больше, но часть американских бизнесменов считает, что установленные здесь правила игры не соответствуют их человеческим и религиозным убеждениям. Они воспитаны и живут иначе, им не нужна эта суперприбыль. Вот и ответ на вопрос: способен ли капиталист на преступление за 100 процентов прибыли? Далёко не всегда. Один из самых богатых американских капиталистов, глубоко рациональный Уоррен Баффет, не готов.

В Америке я предпочитаю общаться с иностранцами и русскими, потому что американцев нам трудно понять, они странные люди. Иммигранты стараются держаться вместе. Мой сосед Джон, австралиец, помог мне подключить домашний телефон. И, не выходя из дома, я за неделю открыл счёт в банке, подключил телевизор, заключил страховые контракты, подклю-

чил Интернет, устроил детей в школу, купил машину в соседнем центре – всё было быстро оформлено по телефону! Ну просто телефонная страна!

Но не подумайте, что я занимался только спортом и раздолбайничал. Основной идеей было подготовить запуск нового бизнеса. Я думал о банке кредитных карт, и эта идея тоже родилась в Америке.

Ещё в 1993 году, впервые приехав в Америку и купив дом в Санта-Розе, я сразу же попал во все базы данных. Не существует privacy, секретности, после того, как вы заполнили анкету при покупке чего-либо или желая получить что-то бесплатно, будь-то памперс или авторучка. Вы указываете личные данные и потом удивляетесь, когда получаете разные письма? Ничего странного или незаконного в этом нет. В анкете обычно стоит галочка, согласно которой вы по умолчанию разрешаете свои данные передавать. Иногда вы её даже не замечаете. Соответственно информация попадает в мир.

Так произошло и со мной. После покупки дома меня стали засыпать письмами с личными обращениями по адресу: Oleg Tinkov, 21, Little River Avenue. В частности, меня бомбардировали предложениями по открытию кредитных карт. Я завёл пару штук и при этом начал думать: какая хорошая идея для России, такой же огромной страны, как США. В России плохие дороги и аэропорты, но почта-то везде существует! Посылать предложения клиентам по почте! Неплохая идея, она запала мне в голову.

Когда в 1999 году я учился маркетингу в Бёркли, то стал больше интересоваться, как работает эта система. Конечно, я понимал, что для открытия банка нужны огромные деньги, и не мыслил себя банкиром.

Но, продав свой пивной бизнес, я оказался в состоянии достаточной ликвидности для воплощения мечты – открытия банка. Я всегда с пиететом относился к банкам. Проходишь мимо банка, видишь огромное здание, представляешь, что там внутри есть сейф с кэшем, – это волнует. Когда я разговаривал с совладельцами или клерками банков, пытаясь занять деньги на развитие бизнеса, то всегда думал: как бы оказаться по ту сторону стола? Они что – все такие умные? Да нет, такие же, как и я, но почему-то деньги ОНИ мне дают, а не я им. Впрочем, это же не их деньги, они тоже их откуда-то привлекают, размышлял я, и подумал: надо в этой конструкции что-то поменять и стать человеком, который сам будет выдавать деньги.

Всё сошлось: и желание стать банкиром, и любовь к «пластику». Несведущие люди меня сегодня обвиняют в копировании банка «Русский стандарт». Я надеюсь, эту книгу (или страницу) прочтёт Рустам Тарики. Он наверняка подтвердит следующий рассказ. Мы с ним встретились в очередной раз у меня в офисе в 2004 году. Он приехал по поводу продажи своей водки в наших ресторанах, куда его не пускали наши закупщики, а он человек амбициозный: если хочет, значит, надо добиться. Рестораны «Тинькофф» и в Москве, и в регионах были передовыми, почему его там нет?

С Рустамом мы довольно быстро договорились по водке, ведь он рациональный и грамотный бизнесмен. Ходят разговоры о том, что он самодур, даётся много негативных оценок, но я-то его знаю хорошо и к бизнес-талантам отношусь с большим уважением. Его стиль жизни, любовь к роскоши и гламуру не соответствуют моим ценностям, но это его частная жизнь, не имеющая отношения к делу, а как бизнесмен он очень эффективный. Возможно, один из самых умных в России. Он, Андрей Рогачёв, Сергей Галицкий и ещё пара человек придумали и С НУЛЯ сделали бизнесы, стоящие миллиарды долларов.

Во время той встречи я сказал:

– Рустам, а почему ты не выпускаешь пластиковые карты, это же круто! Это прибыльно, просто, сексуально. Зачем эти потребительские кредиты выдавать в магазинах?

– Почему ты думаешь, что не выпускаю? У меня три миллиона пластиковых карт.

– Ты шутишь? Я ни разу не видел. Почему у меня ни одной нет?

– Олег, ты не аудитория для моих кредитных карт, там нужны люди немного победнее, – пошутил Рустам.

– Знаешь, кредитные карты – крутой бизнес. Я давно смотрю, как американцы это делают, и тоже хотел бы заняться.

– Да, это серьёзный бизнес, но требует больших вложений и в инфраструктуру, и в кредиты.

– Ну, посмотрим, сейчас дострою пивной завод, может быть, продам...

На этом тему закрыли. Сейчас я понимаю, как был смешон в тот момент, и что Рустам про меня подумал, но я, по крайней мере, узнал, что Рустам не только выдаёт потребительские кредиты в магазинах, но и выпускает кредитные карты. Причем работает в нише «сабпрайм», то есть с самыми обычными людьми.

Схема у него была простая: если человек взял в «Русском стандарте» кредит на холодильник или телевизор и погасил его, банк выпускал на его имя кредитную карту и присылал её по почте. Клиент сам решал, стоит ли активировать карту. Естественно, большой процент карт оказывался невостребованным, а многие люди считали поведение банка навязчивым, ведь они сами не просили карту, но кому-то нравилось, что банк сам присылал карту и предлагал самостоятельно решить – пользоваться ею или нет. Не хочешь – просто не активируй карту, выбор за тобой.

Естественно, я анализировал опыт и «Русского стандарта», и банка «Хоум Кредит», но понимал, что схема дистрибуции у моего банка будет другой, ближе к американским примерам.

* * *

В начале осени 2005 года я встретился со Штефаном Дертнигом, главой московского офиса Boston Consulting Group, и попросил его сделать так называемое *feasibility study* – исследование, показывающее, насколько реально воплотить бизнес-идею в жизнь. Документ стоил несколько сот тысяч долларов, но я очень тщательно подходил к анализу, потому что вложить предстояло десятки миллионов. Я попросил Штефана подготовить концепт и дать ответ: возможно ли заниматься директ-маркетингом на рынке кредитных карт в России?

В ноябре Штефан прилетел в Сан-Франциско презентовать финальную версию исследования. Мы с Алексом Корецким, американцем русского происхождения из Сан-Франциско, приехали в фешенебельную гостиницу в центре города и стали слушать Штефана. На вопрос «Делать ли?» презентация давала однозначный ответ «ДА», но мало говорила о том, КАК делать.

Некоторое понимание у меня уже было, чуть раньше в Москве я встретился с руководителем MasterCard в России Андреем Королёвым и главой представительства Visa Лу Наумовским. Они сказали, что готовы работать с новым банком. Королёв дал контакты подразделения MasterCard Advisors – подразделения, помогающего банкам сформулировать технологию, построить IT-платформу на рынке кредитных карт.

Всё сходилось. Я понял, что организовать бизнес можно, и мы с ключевыми сотрудниками по пивному бизнесу полетели на неделю на остров Некер, принадлежащий основателю бренда Virgin Ричарду Брэнсону. Были все мои «тинькоффцы», временно работавшие после продажи пивного бизнеса в сети ресторанов. Её, к сожалению, продать бельгийцам я не смог. По сути, я просто платил людям зарплату, чтобы держать команду, и делал это полтора года, чтобы не растерять ценные кадры. Для некоторых сделал «мост», чтобы они спокойно нашли работу по профессии. У меня в пивном бизнесе работали хорошие ребята, для которых уже не было работы в банке: продавец в регионах Станислав Подольский; рекламист Михаил Горбунцов; логист Игорь Белов, который позже руководил строительством комплекса «Граф Орлов»

на Московском проспекте в Петербурге; чистый производственник Андрей Мезгирёв. Все они были тогда на Некере; поездка стала ещё одним бонусом за отличную работу в пивном бизнесе. Мы всю неделю веселились и дурили, а в самый последний день я попросил проектор, поставил его на большой стол, направил луч на стену и с небольшими комментариями пролистал отчёт Boston Consulting Group.

Я спросил: «Верите ли в эту идею?» и все сказали: «Да». В итоге мы ударили по рукам прямо за столом, выпили рому и решили: мой следующий бизнес – банк кредитных карт. Идея названия – «Т-Банк». Символично, что решение приняли именно на Некере. Мне это понравилось. Так 18 ноября 2005 года стартовал проект «Тинькофф Кредитные Системы».

О решении я честно рассказал Рустаму Тарико, прилетевшему на своём Боинге ко мне в Сан-Франциско. Я пригласил его в замечательный ресторан Mihael Mina в отеле The Westin St. Francis на Юнион-сквер.

– Рустам, я решил делать банк кредитных карт...

– Ты уверен? Ты ввязываешься в большую драку. Это сложный технологический бизнес.

– Ну, а чем ещё заниматься? Девелопментом я боюсь – вдруг рынок недвижимости грохнет (так вскоре и случилось. – *О. Т.*). Есть ещё идея построить нефтеперерабатывающий завод рядом с границей и экспортировать бензин, но там надо много денег, и отрасль очень политизирована, а я от политики стараюсь держаться подальше. Водка? Устал от потребительского рынка после «Дарьи» и пива.

Рустам призадумался и сказал:

– Я, когда начинал заниматься банком, встретился с Михаилом Фридманом (глава «Альфа-Групп». – *О. Т.*) и он спросил: «Куда ты лезешь? Это бизнес больших. Таким, как ты, тут не место», а теперь в потребительском кредитовании я больше «Альфа-банка» в разы, а в кредитных картах – на порядок.

– Слушай, Рустам, ты только что отговаривал меня, а теперь рассказал про Фридмана. Если у тебя вышло, то почему у меня не получится?

– Олег, это твоё решение. Давай, пробуй! Но знай, что легко не будет.

Думаю, Рустам просто до конца не верил в то, что я буду начинать проект. Может, он и сегодня до конца не верит в то, что я делаю, но, забегаая вперёд, скажу, что в 2009 году его банк получил убыток, а мой – прибыль больше 18 миллионов долларов.

Самое смешное, что перед запуском банка я тоже имел случайный разговор с Михаилом Фридманом. В июне 2005 года по приглашению тогдашнего гендиректора торговой сети «Перекрёсток» Александра Косьяненко я оказался на праздновании десятилетия компании за столом со всеми руководителями «Перекрёстка» и поделился своей идеей банка кредитных карт.

– Я давно думал открыть аналог банка Capital One в России, – отреагировал председатель совета директоров «Перекрёстка» Лев Хасис.

– Идея хорошая, но требует детальной проработки, – добавил Михаил Фридман.

– Меня только один момент волнует: если у банка не будет отделений, как людям гасить кредиты? – спросил я.

– А почта на что? Будут ходить на почту, там и платить.

Я думаю, в глубине души и Михаил Фридман не верил в меня. Я же никогда не занимался финансовым бизнесом, куда мне конкурировать с тем же «Альфа-банком», основанным аж в 1990 году! Но я привык к скепсису.

«Куда ты лезешь? Ты опоздал! Рынок давно занят, на нём куча профессионалов. Это безумие». Такие слова я слышал всякий раз при старте нового бизнеса – и «Техношока», и «Дарьи», и сети ресторанов «Тинькофф», и пивзаводов «Тинькофф», и банка «Тинькофф Кредитные Системы». Но эти разговоры меня только возбуждали – я люблю добиваться того, что другие считают невозможным, при этом не считаю себя более одарённым, чем остальные.

Я такой, как все. Не верите? Расскажу о своём детстве.

Глава 2

Рассадник Тиньковых в Ленинске-Кузнецком

Тиньковы происходят из дворянского рода, из-под Тамбова. До сих пор там есть деревня Тиньково. Мне удалось даже найти фамильный герб семьи в петербургской Публичной библиотеке. Бабушка с дедушкой спасались то ли от раскулачивания, то ли от голода, и в 1921 году сели в поезд и уехали из родных мест. Сошли на станции Кольчугино – так тогда назывался Ленинск-Кузнецкий – и осели там. Дед Тимофей стал работать на шахте, и ему предоставили жильё – половину барака в 300 метрах от шахты. 32 квадратных метра в доме №16 на улице Кооперативной.

В этом доме в 1937 году родился мой папа, Юрий Тимофеевич Тиньков, седьмой по счёту из восьми братьев и сестер. Самый первый – Василий – был на 15 лет старше моего отца. Василий Тимофеевич прошёл войну танкистом и до сих пор жив, слава Богу. Старшие братья выросли и начали приводить в барак жён. Чтобы все смогли разместиться, спать приходилось на двухэтажных кроватях. Но этим дело не ограничилось: они ещё стали рожать там детей! Вот такой рассадник Тиньковых – три поколения здесь родилось! Со временем родственники разъехались, и барак достался моему отцу.

Дед всю жизнь так и проработал в шахте. В 1953 году там случился пожар, дед помогал тушить, надыхался газами, заболел и вскоре умер.

На этом фото 1970 года мне нет и трёх лет, а страной правит Леонид Брежнев. Впереди долгий период застоя

Родители мамы тоже из дворян. Из-под Самары они переехали на Дальний Восток, в Хабаровский край. Там, в городе Дальнереченске (до 1972 года он назывался Иман), в 1938 году и родилась моя мама, а всего в семье было три дочери. Бабушка хорошо шила, вела хозяйство. Держали корову, свиней. Дедушка Володя, мамин отец, служил комендантом Имана во время Великой Отечественной войны. Потом работал начальником лесопильного цеха на заводе. Владимира Петровича все боялись и уважали. Говорят, я внешне на него похож. Он умер недавно, в 2001 году, и до самой смерти у него над кроватью висел портрет Сталина. Это меня немного смущало, но я любил своего деда.

Слева направо Марфа Ефанова, Тиньковы Тимофей Васильевич и Ксения Евстафьевна (мои бабушка и дедушка), Евстафий и Анна Ефановы (прадедушка и прабабушка), Прасковья Ефанова

В 1966 году моя мама, Валентина Владимировна, приехала погостить к своей старшей сестре Нине в Ленинск-Кузнецкий и познакомилась здесь с отцом. Да так и осталась вместе со своим первым ребенком Юрой.

Как пел один из любимых моих поэтов Владимир Высоцкий, «час зачатия я помню не точно», но родился я 25 декабря 1967 года, в 14.35. Весил четыре килограмма. Роддом находился в 15 километрах от нас, в Польшаево, там я и появился на свет, но в паспорте написано: родился в городе Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области. Здесь и прошли первые 18 лет моей жизни...

Ленинск-Кузнецкий – типичный советский промышленный город. В 1928 году коммунисты начали политику индустриализации, а без угля тут никак – он нужен и для выработки энергии (план ГОЭЛРО уже работал), и для металлургии, и для железной дороги. Силы бросили на Кузбасс. В Ленинске-Кузнецком в 1931 году запустили шахту имени 7 ноября, в 1933 – «Комсомолец», в 1935 – шахту имени Кирова, где всю жизнь работал мой отец.

Дед Тимофей Тиньков всю жизнь проработал в шахте, а умер в 1953 году в результате отравления при тушении пожара

Мой отец Юрий Тимофеевич Тиньков любил читать газету «Труд». Ему в этом помогал кот Дымка

Отец был очень продвинутый. Оба его старших брата, дядя Вася и дядя Ваня, имели высшее образование и жили вполне обеспеченно. Отец тоже хотел получить образование, даже проучился два года в Томском университете, но появилась семья, пришлось зарабатывать деньги, и он пошёл на шахту, работал на участке внутри-шахтного транспорта оператором опрокида. Это такое устройство для разгрузки вагонеток, проходящих с углём из забоя. Папа ушёл на пенсию из шахты в 50 лет после аварии и травмы головы. Два его друга погибли.

Из-за той истории Юрий Тимофеевич, к сожалению, рано покинул нас: умер от инсульта в 2002 году, не дожив одного месяца до 65 лет.

Отцу я очень благодарен за то, что он заложил основы моего характера. Он учил меня быть честным с самим собой, прямым, выносливым, любить свободу и ненавидеть тоталитаризм во всех его проявлениях.

Для шахтёра он был очень тонким и грамотным человеком, интеллектуалом. Всё-таки выходец из дворянского рода, гены сделали своё дело! Отец с детства привил мне ненависть ко всему насаждаемому. Поэтому даже при существующем в России режиме я остаюсь нонконформистом. Мне не нравится то, что происходит вокруг, особенно наметившийся в последнее время тренд – возвращение нашей страны к СССР.

Хорошо помню 1981 год, 26-й съезд КПСС, последний для генерального секретаря Леонида Брежнева. В Сибири показывал только один канал – первый, а для второго нужно было ставить специальную огромную антенну. И с утра до вечера по единственному каналу показывали Брежнева и 26-й съезд. Мать включала телевизор, а отец подходил и выдёргивал провод: «Хватит эту болтовню слушать!» Начинался закат коммунизма.

* * *

Благодаря отцу я вырос на неприятии советской власти. Когда меня принимали в комсомол в восьмом классе, причем в самых последних рядах – как раздолбая – мне было наплевать. Я понимал, что всё это профанация. Не питал больших иллюзий и относительно коммунизма. Заявление на вступление в Компартию в армии писал только для того, чтобы попасть в прапорщики. (Слава Богу, передумал, но об этом позже.) А вот в пионеры хотел. В торжественной обстановке мне повязали галстук, прикололи значок, и я очень переживал из-за того, что приняли только со второго захода.

Отец, как ни странно, любил Америку. Шахтёр из города со 130-тысячным населением, никогда не бывавший за границей, только в Москве и Ленинграде, говорил: «Америка – хорошая страна!» Эта любовь была для него своеобразным протестом. По телевизору всегда говорили, как там плохо, а он утверждал, что хорошо. В 2001 году я выполнил свою миссию – привёз 64-летнего отца в эту страну. Как оказалось, незадолго до его смерти. Он прожил месяц в Калифорнии. Папа болел и поэтому находился в подавленном состоянии. Америка, конечно, ему понравилась, но больших эмоций уже не вызвала.

Многие мои положительные качества развиты отцом. Батя – это моё всё! Конечно, спорт, учёба в Горном институте тоже кое-что добавили, но отец заложил основу того, что я представляю собой сегодня. Он меня всегда настраивал на конструктив, на уважение к людям, на то, чтобы стать приличным членом общества.

Нет, мне не прививали каких-то специальных ценностей, со мной не вели философских бесед. Мы даже не были читающей семьёй. Мать вообще не читала, отец – только периодику. Любил газеты «Труд», «Советский спорт», слушал радио «Маяк», следил за спортивными новостями, так как в прошлом увлекался баскетболом.

Непререкаемым авторитетом в нашей семье была баба Сеня, мама моего отца, Ксения Тинькова. Уникальная женщина, помимо папы и его семи братьев и сестёр, она родила ещё нескольких детей, которые умерли, ведь в 20-30-е годы медицина была развита слабо.

Называя меня нехристом, баба Сеня пыталась познакомить меня с православием. Лишь в 20 лет, уже в Ленинграде, я всерьёз задумался об этом и покрестился.

Баба Сеня меня учила жизни:

– Ты что, дурачок, кладёшь сахар в чай?

– А что, баба Сеня?

– *Сахар надо вприкуску есть. Только так чувствуешь запах и вкус.*

Во времена её молодости сахар был единственным деликатесом, и люди старались усилить удовольствие. Сейчас все думают, как похудеть, а тогда стояла другая проблема – как выжить. Я это вспомнил в армии. Сразу после призыва мы намазывали масло на хлеб, а дембеля смеялись: «Кто же так ест?» Через пару недель мы уже отлично их понимали: макали замороженные кругляшки масла в соль и ели их без хлеба, чтобы лучше чувствовать вкус, и до самого дембеля, ещё двадцать три с половиной месяца, я никогда не намазывал масло на хлеб. Тот, кто служил в армии, меня поймёт.

Баба Сеня запасала мешочки с солью, крупой, горохом и прятала их в доме. Я удивлялся:

– Баба Сеня, зачем ты прячешь?

– Ты б тоже прятал, если б голод прошёл...

С голодом бабушка и дедушка столкнулись в начале 1920-х, когда шла Гражданская война. Баба Сеня умерла зимой 1980 года. Моё 12-летнее воображение поразило её отпевание: ладан, кадила, молитвы...

Мама, Валентина Владимировна, работала швеей в местном ателье – шила, утюжила. Вела добропорядочный образ жизни. Сейчас ей больше 70 лет, она в добром здравии, сохраняет активность и не выглядит на свой возраст. От мамы мне досталась неуёмная энергия и, наверное, зачатки предпринимательских качеств – она и в советское время пыталась подрабатывать – шила на дому.

Воспитание и режим родители ставили во главу угла. В нашей семье было заведено, чтобы в девять часов вечера, когда начиналась программа «Время», я приходил домой. Друзья посмеивались: я бросал игру и уходил даже летом, хотя в Сибири в это время ещё светло. Это у нас называлось «загонять домой». Играли в прятки, в войнушку – вырезали деревянные автоматы из фанеры и бегали с ними. В футбол – прямо на улице, в пыли, иногда и босиком. Кеды покупались одни на сезон и быстро снашивались, а то и просто рвались.

Валентина Владимировна, мама Олега Тинькова:

Олег родился 25 декабря 1967 года, весом 4 килограмма, в 14.35 дня. Всегда был здоровый, активный, хороший мальчик. В 9,5 месяца начал ходить. В 2,5 года отдали его в детский сад. Там он песни пел, играл на деревянных ложках.

Старший брат Юра учил Олега буквам. В пять лет он уже читал и считал, даже некоторые английские слова знал. В городе выходила газета «Ленинский шахтёр», он читал строчки из газеты.

Старший сын иногда увиливал от работы, а Олег был не такой, всегда маме с папой помогал. У нас как-то шёл ремонт, он ещё совсем маленький был. Мы делали завалинку, приходилось таскать песок ведрами. Олег взял свой детский самосвал и тоже стал возить песок.

Я воспитывала детей в строгости, иначе не знаю, что бы с ними было. Может, они меня даже побаивались.

Старший Юра пришёл однажды с другом, принес орехи и немного денег. «Мама, чучмеки на базаре отлучились, а мы по их просьбе орехи караулили. Мы потихоньку взяли по 30 копеек, а они вернулись и ещё дали денег и орехов». Я взяла деньги и орехи и отнесла всё обратно – нам чужого не нужно. Сразу сына прищучила. Как-то шли с Олегом, лежит на земле ремень солдатский, подписан именем «Слава». Олег говорит: «Мама, это же не наше, не будем брать».

– Мама, зачем ты за мной приходишь, других детей родители не ищут, перед ребятами стыдно!

– Мне так спокойнее. Мало ли что...

Я шёл домой, а другие оставались играть в футбол до 12 ночи и потом неизвестно, чем занимались. Я же никогда не болтался. Совершенным табу для меня было не прийти ночевать. Впервые я позволил себе это уже перед самой армией, лет в 18, а встретить Новый год в гостях родители разрешили только в девятом классе, в 16 лет.

Я очень благодарен родителям за то, что они в меня вложили. Ведь вырос я в депрессивном регионе, многие соседи сидели, да и сейчас сидят в тюрьме. Я жил среди этих людей – шахтёров, бывших зэков, нередко пьяных и обкуренных. После них ленинградские бандиты в спортивных костюмах показались мне карикатурными персонажами, они были просто смешны.

Среда в Сибири жёсткая, всё «по понятиям», лишнего сказать нельзя – побьют. Почти зэковские законы. Вокруг Ленинска-Кузнецкого три зоны – две взрослых и одна «малолетка». Это наложило на город отпечаток, и сейчас в Ленинске зазорно обращаться в милицию – ты должен сам уметь решать вопросы, иначе тебя не станут уважать. Ты должен быть пацаном, за базар отвечать. У меня до сих пор сохранилась привычка лишний раз ничего не обещать.

Многие помнят знаменитый скандал с мэром Ленинска-Кузнецкого Геннадием Коняхиным. Много вышло материалов в прессе и сюжетов на телевидении – мол, бандиты захватили власть в городе. «Время «быков» – так называли «Известия» свою публикацию. Сам президент Борис Ельцин лично снимал мэра Ленинска-Кузнецкого с должности! А Коняхин учился в моей школе №33...

В 80-х в Ленинске, как и в других городах СССР, был бум уличных драк – район на район. Много писали про массовые драки в Казани, но в Ленинске они были не менее жестоки – десятки человек с каждой стороны, в ход шли палки, ножи, арматура. Подростки калечили, а иногда убивали друг друга. Моему однокласснику в восьмом классе, например, прострелили дробью ногу. Бывало, утром просыпаешься, а забора нет – все колы разобрали ночью на драку. В «Комсомольской правде» даже была статья про эти жуткие драки в Ленинске-Кузнецком. Называлась она «Фуфаечники».

Парк, в котором проходила городская дискотека, относился к четвёртому участку, и если человек приходил из другого района, его «четвертовские» били, потому что тусовались большой шоблой. «Центровским» нельзя, «базаровским» – тоже нельзя (мой район называли Базаром). Я пару раз сходил на дискотеку, но один раз пришлось убегать, а в другой раз «накренделяли». В общем, я старался там не появляться. Кстати, я никогда не лезу на рожон – ни тогда на улице, ни сейчас в бизнесе. Школа Ленинска научила чувствовать, когда и куда идти не нужно.

Однажды я приехал на стадион покататься на коньках. Подошли лбы здоровые:

– Ты откуда?

– С Базара.

– Ах, ты с Базара... – И один из них как ёбнет...

Кровь из носа, падаю на лед. В общем, избили меня, а на коньках не убежишь и сдачи не дашь нескольким здоровым уродам. Что делать? Повесил конёчки на клюшку и домой. Больше я туда не ходил, только на свой местный стадион при шахте имени Кирова.

После восьмого класса я перешёл в школу №2 в другом районе. Но проблемы там были такие, что и эту школу пришлось менять. Учиться невозможно, морально и физически угнетают – зачем это нужно? Зато теперь инстинкт самосохранения у меня развит сильно. С одной стороны, после тех людей я никого не боюсь. С другой, я научился лавировать, и сейчас, когда вижу на своём горизонте бандитов или «силовиков», то очень грамотно от них уйду.

Когда мне говорят, что Советский Союз – это хорошо, я только ухмыляюсь, потому что всё это говно хорошо помню. Чего там хорошего было? Может, в Москве или Ленинграде... а у нас – район на район, фуфайки, зэки, воры в законе, драки и убийства.

Массовые драки прекратились в конце 1980-х, когда стали распространяться наркотики. Под кайфом люди объединились, стали друзьями и братьями! Сначала в ходу была анаша, а потом появился героин. В начале 90-х многие мои ровесники и ребята помоложе умерли. Говорят, насмотревшись на всё это, нынешняя молодежь стала бояться наркотиков, но, думаю, проблема наркомании остаётся серьёзной.

В Ленинске постоянно случались странные события. Регулярно пропадали (и до сих пор пропадают) люди. Когда родители жили в Полысаево, а я служил в армии, у соседки потерялся муж Слава. Работал на шахте «Кузнецкая» и однажды не вернулся домой. Две недели его не было. Потом выяснилось: три мужика после работы в шахте стояли вечером на остановке и ждали автобуса, он долго не приходил. Подъехала машина, выскочили амбалы в черном, затолкали их внутрь и увезли куда-то. Как оказалось, в рабство в тайгу – таскать цемент, делать водку, наркотики из конопли. Слава как-то умудрился убежать; ему пришлось идти домой по ночам, а днём прятаться. Пришёл домой через две недели после исчезновения, весь изодраный, в одежде, найденной на помойке. Не дойдя до квартиры, упал перед лифтом от истощения.

Вячеслав Ситников, сосед Олега Тинькова:

Ярко запомнился один эпизод с качелями. Мне было, наверное, лет пять, ему соответственно четыре. Мой отец построил у нас во дворе качели. Это был, конечно, праздник! Качались до тошноты, а мы с Олегом постоянно спорили, кто первый будет. Дело дошло до того, что однажды подрались. Получился большой скандал. В итоге мой отец срезал с качелей лямки. Представляете, каково было смотреть на оставшиеся столбики качели, от которой захватывало дух! Олег с детства упрямый был, всегда добивался своего. Видимо, это и помогло ему стать тем, кем он стал. Что говорить, он всё-таки сибиряк – характер закалился с детства. Морозы у нас страшные, а мы бегали на улице и не болели.

Эдуард Созинов, школьный друг Олега Тинькова:

Олег перешёл в нашу школу после окончания своей восьмилетки, так что мы учились вместе только 9 и 10 классы. Знакомство началось с драки. Из-за чего? Провинция, потасовки район на район происходили постоянно. Жёсткие времена. На чужой территории появляться не стоило, обязательно изобьют. Олег был не наш, поэтому его травили, хотели показать свою силу новенькому. Драка без причины, как это у молодых бывает. Соперники оказались достойными друг друга, и с этого момента началось наше плотное общение.

Уже тогда чувствовалось, что Олег – индивидуальность, не штамп, человек не из общей массы. Всегда выделялся. Начитанный, с правильно поставленной речью, всегда интересный в общении, при этом занимался

профессиональным спортом. Хотя обычно спортсмены не слишком заботятся о своём интеллектуальном развитии.

Уровень образования в таких районах, как наш десятый, был низкий. Поэтому занимались самообразованием. Кто любил читать, черпали знания из книг, газет и журналов, а кто этим не увлекался, да и в школе толком не учился, вряд ли мог чего-то добиться. Почему-то я всегда знал, что Олег что-нибудь замутит, пойдёт вверх, у него будет всё в порядке с деньгами.

В 80-х стали пропадать полные женщины. Народ поговаривал, что из них делали мясо для пельменей. Был и свой серийный маньяк: днём работал в шахте, а вечером убивал девушек в парке.

Соседи наши по бараку постоянно выпивали, по ночам раздавались крики и брань. Однажды я засыпал и слышал, что за стенкой идут разборки. Обычное дело. Утром оказалось, что сосед убил жену, тётю Валю. Приехала милиция, я заглянул в комнату – она так и лежала на кровати, торчал нож. Соседа посадили, а сын остался без родителей.

Страшно подумать, но значительной части моих одноклассников уже нет в живых: кто-то погиб в тюрьме, кого-то убили, кто-то спился. Меня спасли строгое воспитание, режим и спорт. Сейчас я пытаюсь так же воспитывать своих детей, чтобы они, не дай Бог, не почувствовали свободу! Дочери Дарье 16 лет, я никогда не разрешаю ей оставаться ночевать у подружек, хотя она просится.

Конечно, я пытался делать то, что не разрешали родители. Алкоголь попробовал в восьмом классе, на вечеринке в честь 8 Марта. Мы с друзьями Славой Зуевым (умер от воспаления лёгких в 2009 году) и Мишей Артамоновым (его застрелили пять лет назад при глупых обстоятельствах из охотничьего ружья) выпили бутылку кагора и пошли на дискотеку танцевать с девочками. Потом я блевал всю ночь. За то, что выпил, батя отхлестал меня ремнём, а мои одноклассники приходили домой пьяными, и родители закрывали на это глаза.

Позже, в девятом и десятом классах, я, конечно, выпивал, но делал это редко и втайне от родителей. К тому же занимался велосипедом, а спорт и алкоголь – вещи несовместимые. Если в последнюю зиму перед армией и баловался выпивкой, то больше от нехватки развлечений. Мы скидывались и покупали за 3 рубля 42 копейки бутылку вина, иногда и водку, сидели, выпивали на территории детского сада, в маленьком домике.

Отец почти никогда не пил, его гены и мне передались. Я люблю посидеть, выпить, но по-серьёзному – не чаще раза-двух в месяц. Меня тошнит от большого количества алкоголя, это передалось от отца.

Летом мы с ребятами ходили купаться на речку Иня, приток Оби. Родители мне запрещали, поэтому я сушил голову, делал всё, чтобы не заметили, но иногда всё-таки они узнавали и наказывали. По правде говоря, было из-за чего волноваться: мы сходили с ума, прыгали на спор с обрывов, крутых берегов, с высоты трёх-четырёх метров. Речка же мелкая, при заходе в воду нужно сразу выныривать, чтоб не сломать позвоночник. Там действительно много людей тонуло, недаром родители боялись. Зато сейчас я могу нырнуть с яхты головой вниз с пяти метров!

Однажды я немного покурил, пришёл домой – пахнет куревом. Папа снова меня проучил ремнём – такое наказание у нас в семье было в ходу.

Ремень – хорошая штука. У отца он был коричневого цвета и висел в шкафу. Попадало мне часто, особенно я не любил пряжку, и только в 1617 лет, когда я сам, уже здоровый, хватал ремень рукой и не давал бить, батя эту практику прекратил.

Лидия Иринчиевна Батурова, классный руководитель Олега Тинькова:

Олег жил в маленьком шахтёрском городке, его деревянный дом находился рядом с шахтой имени Кирова. Алгоритм жизни здесь такой: родился в семье шахтёров, вырос рядом с шахтами, всю жизнь видел только шахтёров, значит, и тебе дорога в шахтёры, и большинство жителей города – или шахтёры, или рабочие смежных специальностей – слесари, электрики. В то время школа была с продлённым днём. Почему Олег помнит школу с 1 по 8 класс? Потому что мы принимали детей в 7.30 утра и отпускали только в 17 часов вечера. Они росли в коллективе. Домой уходили только переодеться, повидать родителей и поспать, школа была действительно вторым домом. Первая половина дня – уроки, вторая – самоподготовка, выполнение домашнего задания, а также спортивная часть. Тут уже начиналась самостоятельность, формировался характер. В классе Олега было 36 человек, 20 мальчиков и 16 девочек. Этот выпуск был очень интересный, много «хорошистов», каждый старался себя проявить, самоопределиться, что-то доказать другим. Сейчас как учатся? Один сделал, остальные списали. Тогда же каждый искал свой путь решения задачи, даже в таком трудном предмете, как физика. На уроках Олег непоседливый был, шкодливый, хотя нельзя сказать, что сильно безобразничал. Не успеешь оглянуться – уже под парту залез. Но что удивительно: будет под партой возиться, вылезет взлохмаченный, но спросишь – всё знает. Очень быстро схватывал, на лету, но не зубрил. Если просили принять участие в каких-то мероприятиях – не отказывался. Учителя к нему относились нормально. Правда, иногда сравнивали со старшим братом, и сравнение оказывалось не в пользу Олега. Я была классной руководительницей и у старшего брата. По характеру они абсолютно не похожи. Олег взрывной, но отходчивый. Никто из ребят не вспомнит, чтобы он зло посмеялся, обидел кого-то или какую-то пакость сделал.

Я нисколько не обижен и благодарен отцу за то, что мне поддавал. Иначе я бы пропал, учитывая условия, в которых рос. Всё идёт от семьи, от воспитания. Наша семья Тиньковых стояла особняком, родители честно зарабатывали на жизнь, не пили, и это дало мне базу. До самой армии я находился в ежовых рукавицах, под жёстким контролем. Мне не оставалось ничего, кроме как вести себя хорошо.

В первом классе, как тут написано, у меня было примерное поведение. Больше таких грамот мне не выдавали

Мой отец и дед подорвали здоровье на шахте им. Кирова

Глава 3

«Бедный родственник» это про меня

Наша простая шахтёрская семья жила скромно, но вполне прилично по меркам Ленинска. Обычные бараки были на восемь семей, а у нас – на две, да ещё и с огородом, где мы растили огурцы, помидоры, редиску, зелень и самую вкусную клубнику, которую я ел в своей жизни!

Условия считались вполне нормальными, хотя об удобствах речи не шло. Водопровода нет, канализации нет, деревянный туалет на улице в 20 метрах от дома. При входе в барак— предбанник, с коридором и небольшим чуланом. Потом гардеробчик, в углу – рукомойник. В него вручную заливали воду, а внизу стояло помойное грязное ведро. По мере наполнения ведро выносили и выливали в туалет. Туалет – деревянное сооружение на два очка – наше и соседское. В глубокой дыре погибало всё – и мои секретные записки, и говно, которое не помню чтобы когда-то выкачивали. До сих пор не понимаю – куда это уходило? По ночам, особенно зимой, когда за минус 30, ходили в туалет в то же помойное ведро у рукомойника, накрывая всё это половницей (то есть ковриком с пола), а утром перед школой я нёс это добро в туалет.

Один раз в неделю мама нагревала на печке воду, наливала в таз, и я мылся по пояс, а где-то лет до 12, пока помещался, купался в цинковой ванне. Полностью помыться удавалось раз в месяц у соседей в бане.

Сын шахтёра в таком городе, как Ленинск-Кузнецкий, рос с пониманием, что тоже будет работать на шахте

За водой ходили на колонку в 100 метрах от дома с двумя вёдрами и коромыслом. Возможно, новое поколение уже не знает – это перекладина, на которую с двух сторон вешают по ведру, – для равновесия и распределения нагрузки. Сначала брат Юра воду носил, а потом и я, когда постарше стал. Обычно ленился, но меня заставляли. Эту воду после кипячения мы и пили.

Барак состоял из 20-метрового «зала» и 12-метровой кухни. Мы с братом спали на кухне у печки, на железной кровати с сеткой-рабицей, а родители – в зале. На кухне ещё стояли стол и холодильник «Бирюса». По ночам он трясся и шумел.

В самые холодные зимние ночи, когда температура падала до минус 30-40 градусов, мы с братом по очереди вставали и подкидывали в печь уголь, который приносили в дом ещё с вечера из деревянной углярки на улице. Делали это примерно раз в час – чтобы огонь не

затух. Спали ногами к печке: и тепло, и подкидывать близко. Отцу, как и другим шахтёрам, полагалось две машины угля в год для отопления бесплатно. Когда однажды я привёз своих детей в Ленинск (а приехали мы летом), сын Паша увидел углярку и очень удивился – зачем она? Так и не понял.

В гостиной стоял черно-белый полированный телевизор, в центре – стол, и шифоньер, тоже полированный, местной Ленинск-Кузнецкой мебельной фабрики, где я после шестого класса заработал немного первых денег. Справа – диван и слева – двуспальная кровать родителей. Когда отец наказывал меня ремнём, я под неё залезал. Между комнатами не было дверей, так что мы слышали всё, что происходило у родителей.

Как я уже упоминал, телевизор наш показывал только первый канал. Чтобы настроить второй, требовалась огромная антенна. У соседей, например, она стояла, но батя был не очень мастеровой – работал в шахте, приходил домой, отдыхал, а шуруп не мог прикрутить. И я в него пошёл. У меня руки, что называется, из жопы растут – не умею я шурупы крутить, а без этого антенну не поставишь. Поэтому приходилось смотреть то, что по первому каналу крутили. Случались и здесь яркие воспоминания. Например, мне очень понравился фильм «Белый Бим Черное Ухо». Посмотрев его, я всю ночь плакал в подушку. Наверное, все мы, советские дети, плакали. Отлично Тихонов сыграл. После этого фильма я стал дико любить собак.

Возле нашего дома рос огромный тополь, его ещё дед Тимофей посадил. Все Тиньковы любили это дерево, – жаль, что его спилили, когда сносили барак в 1986 году. На улице между огородом и домом оставался небольшой участок земли, где мы с братом поставили турник и занимались спортом. Мне это потом в армии очень помогло – там сильно нас дрючили по поводу подъемов-переворотов и подтягиваний.

Летом и осенью Ленинск-Кузнецкий – вполне симпатичное место, но зимой и весной – сущий ад. Центрального отопления во многих районах нет, люди топят углем. Пелена серая стоит, ничего перед собой не видишь, и снег серый, слоями. По прожилкам сажи в сугробе, как по кольцам в дереве, можно определять, когда шёл снег. Однажды перед Новым годом (я тогда учился в 10 классе) решили мы с другом Эдиком Созиновым в баньке попариться. Выбежали из бани и в сугроб нырнули. А снег-то только сверху белый, а внутри – с чёрными прослойками. Возвращаемся в баню – все грязные. Хорошо помылись!

А весной всё это начинало таять. Кругом чёрные грязные лужи, в туфлях невозможно пройти. Если утром оденешь белую рубашку, то вечером от сажи воротник уже тёмный – сразу в стирку.

Дом приходилось белить два раза в год. Это был пиздец! Сначала все вещи передвигались в зал и белилась кухня, потом – всё в кухню, белился зал, а в конце – мытьё полов от побелки. Кошмар!

* * *

Уже в детстве я начал понимать, что деньги – это хорошо. Карманных денег мать давала мало, а искушений вокруг было полно.

– Мама, ты Юрку больше любишь – только его за молоком всё время посылаешь!

– Хорошо, Олежка, в следующий раз пойдёшь ты!

Мы с братом спорили: кому идти за молоком. Трёхлитровый бидон стоил 86 копеек, а сдачу с рубля можно оставить себе и, например, купить маленькую шоколадку, но я экономил, копил сдачу, чтобы потом сделать более существенную покупку.

Первые 50 рублей я заработал после шестого класса. У моего друга Славы Косолапова мама работала директором мебельной фабрики. Там на станках клеили плиты, сильно воняло.

Нас со Славой взяли на фабрику помощниками, и работали мы по принципу «принеси-унеси». Ещё нам довелось поработать на макаронной фабрике, где почему-то производили минералку. Ящики, рассчитанные на 12 бутылок воды, всё время рассыпались, а мы их ремонтировали, сколачивали. За это тоже получил 50 рублей.

На заработанные деньги можно было купить рыбок или голубей, но большую часть я сразу тратил на еду. Каждое утро ходил на базар и покупал у узбеков (в Сибири их называли «чуреками») грецкие орехи, арахис, чебуреки, фрукты. Гранаты продавались по рублю штука, беляши с мясом – по 16 копеек. Мать таких деликатесов не покупала, да и не было всего этого в магазинах, только на базаре, а я себе позволял, любил и люблю вкусно поесть.

Ленинские магазины по части еды выглядели очень грустно за редкими исключениями. Молодые ребята, читающие эту книгу, и не знают, что такое дефицит. Товары можно было купить, если имеешь знакомых в магазине. «Сделай мне красной рыбы», «достань сапоги» означало «помоги купить». Такой сленг породила советская система распределения.

В СССР не хватало колбасы, но этого дефицита не было на Кузбассе! Спускаясь под землю, шахтёр брал с собой термос, хлеб, колбасу, чеснок – вот тебе и обед. Советские руководители это понимали и угольные регионы колбасой снабжали. Нельзя сказать, что вкусной, но в магазинах она лежала. Кузбасс считался взрывоопасным. Недаром в победе Ельцина шахтёры сыграли важную роль. Потом, правда, они выступали уже против Ельцина, стучали касками на Горбатом мосту в Москве, и при Путине не раз протестовали против низких зарплат и их задержек.

В общем, за колбасой и маслом в Ленинск люди ехали даже из Новосибирска, за 200 километров. Мы же, наоборот, гоняли в Новосибирск за вкусностями: сладкими кукурузными палочками, конфетами, крем-содой и пепси-колой. Её любили больше всего. В 1971 году американцы уговорили наших коммунистов допустить на рынок пепси, сначала её импортировали, а в 1974 году первая линия по розливу пепси заработала в Новороссийске. Цеха открыли в Москве, Ленинграде, Киеве, Ташкенте, Алма-Ате, Таллине, Сухуми, а потом и на Новосибирском пивкомбинате начали разливать пепси. На бутылках писали «Напиток «Пепси-кола» сильногазированный, изготовлен в СССР из концентрата и по технологии компании «Пепсико» и продавали по 45 копеек за бутылку 0,33 литра. Советский лимонад стоил 30 копеек за 0,5 литра, но все хотели пить колу. Кто-то умный решил, что шахтёрам в Ленинске-Кузнецком она не нужна, и в магазины из Новосибирска она не завозилась. Спекулянты пытались торговать ею по рублю за бутылку, но их прижимал ОБХСС (отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности). Считалось, что торговать импортной одеждой вроде как можно, но спекулировать едой и напитками из магазинов уже не комильфо.

Мне и сейчас пепси нравится больше, чем кока-кола. Пепси-кола символизировала хоть какую-то свободу и пробуждала интерес к западной жизни: если в Америке такой вкусный лимонад, то, может, и сама страна неплохая...

Хорошим бизнесом в советские времена был сбор бутылок. В 1983-1985 годах я им активно занимался. Шахтёры получали премию и, по умолчанию (или по понятиям), скидывали эти деньги в общую кубышку. На них они ЯЩИКАМИ покупали водку, хлеб и колбасу. Вся бригада садилась в сквере и пила до упаду. Блевали там же, процентов тридцать так никуда и не уходило – валялись у лавочек, а я собирал за ними бутылки и сдавал их потом в пункты приёма стеклотары по 12 копеек. Правда, приходилось отстоять очередь – даже здесь они были, так как все ждали, когда привезут ящики.

Летом родители уходили на работу, и я оставался дома один. Тренировка начиналась в пять вечера, а есть хотелось. Открывал холодильник, а там сало топленое, масло – и больше ничего. Я привязывал к своему спортивному велосипеду удочки, ехал на реку и ловил пескарей. Дома почищу рыбу, пожарю, нарву в огороде помидоров и огурцов – вот и обед. Не могу сказать, что голодал, но разносолов мы не ели, и часто приходилось самому добывать себе еду.

Любовь к рыбалке привил мне отец, мы часто вдвоём на целый день уходили на реку. Он поднимал меня в пять утра – и это был единственный случай, когда я с радостью вставал. (Сейчас в пять утра я могу встать, только если у меня в семь самолет на Мальдивы. Только ради отдыха, а не для работы.) Мы с отцом садились на утренний шестичасовой автобус №10, ехали до поселка Дачное, потом шли пять километров пешком. Ловили карасей в промышленных масштабах – иногда по 8-10 килограммов. Отец учил насаживать червей, закидывать крючок, сидеть тихо, сосредоточившись, чтобы не пугать рыбу. Я был неплохой рыбак, но сейчас забросил это дело. Надеюсь, когда выйду на пенсию, займусь рыбалкой.

* * *

Мы всегда держали какую-нибудь живность. Кого только у нас не было: ёжик, белые крысы, голуби, рыбки, собаки, коты. Один кот – сиамский – увязался за нами после рыбалки, да так и остался у нас. Другой – серенький Мурзик – пропал, когда мы ездили отдыхать на юг.

В разное время у нас жили три собаки. С одной из них, белой, я ходил встречать маму после работы в тёмное время. Две собаки в итоге пропали совсем – возможно, их украли и съели пьяницы – такое тоже бывало в Ленинске. Но мы не заявляли в милицию, боялись, что дом подожгут, а третью собаку – овчарку – у нас украли, но мы нашли и вернули её.

Но больше всего мы с отцом любили голубей. В Сибири их традиционно держали уголовники – блатные, как мы их называли. (Кстати, в Москве и Питере у слова «блатные» совсем другое значение – папенькины сынки, пользующиеся блатом.) Ценились хорошие голуби. Чем выше поднимается, тем дороже. Если поднимается «в точку» (чтобы в небе осталась видна только точка), значит, самый дорогой. Ещё голубь должен уметь «бить» – переворачиваться через хвост в полёте, причем вперёд бьёт дорогой голубь, а назад – более дешёвый.

В советские времена голуби стоили от трех до 30 рублей. Уголовники на этом зарабатывали, разводили голубей, а голубятников во всём городе было человек 20-30. Мой отец блатным не был, но голубей очень любил. И, заведя их, мы зашли на достаточно закрытую «территорию».

Блатные продавали голубей, и, «по понятиям», считалось, что, если голубь улетел обратно к продавцу, его не возвращают: мол, сам виноват, раз отпустил. Были случаи, когда продавали голубей в Кемерово, но они возвращались в Ленинск, пролетая 80 километров. Чтобы голубь не улетел, надо приручить. Сначала ему подрезают крылья, а пока они отрастают, голубь уже привыкает к твоему дому и не хочет улетать. Несколько раз голуби от нас улетали обратно к блатным, я приходил просить, но они не отдавали. «Слышь, всё, ты попал», – таково было моё первое знакомство с уголовниками, их методами и понятиями. Потом я стал сам растить голубей и пытался их продавать на базаре, но местная мафия меня туда не пускала, покупали у меня голубей по три рубля и говорили: «Мальчик, иди отсюда».

Все гоняли голубей вечером перед ужином, чья стая выше, тот круче – вот такие развлечения. Однажды знакомые отца привезли из Полтавы голубей, считавшихся очень породистыми. И наши, полтавские голуби летали очень высоко, уходили «в точку». Кому-то это не понравилось.

Голуби жили на чердаке, куда можно было залезть через нашу кладовую с улицы. Ночью мать услышала шорох и заорала, что нас грабят. Оказалось, что воры подпёрли нашу дверь и полезли за этими полтавскими голубями. Отец взял топор и стал открывать дверь. Когда подпорка упала, он вышел, но уголовник схватил кайло (в углярке лежала такая кирка, чтобы откалывать лёд и уголь зимой) и метнул в отца. Кайло пролетело около его лица и вонзилось в пол.

Школа у нас была восьмилетняя, поэтому в 1983 году учёбу под руководством Лидии Иринеёвны Батуровой пришлось закончить

Конечно, был переполох, но милицию мы не вызвали. Мама у меня боевая и активная – на следующий день я ушёл в школу, отец – на работу, а она посадила голубей в корзину и продала. Причём кому продала – непонятно, ни один голубь к нам так и не вернулся. В итоге с голубями мы закончили, но я мечтаю, когда будет время, в память об отце снова сделать голубятню.

Телефона у нас, конечно, не было, и когда я, к примеру, хотел пообщаться со своим другом Эдиком Созиновым, то шёл к нему пешком пять километров, в основном по железнодорожной насыпи, приходил к дому, стучался.

Открывала бабушка:

- Эдика дома нет.
- А когда будет?
- Наверное, вечером.
- Спасибо.

И что делать? Идти назад ещё пять километров, а дома мама говорит: «Олег, к тебе Эдик заходил». Вот такая «мобильная связь».

Ближайший телефон был на шахте. Когда у отца начались первые проблемы со здоровьем, я бегал туда и вызывал скорую помощь. В городе с населением 130 тысяч человек только у пары тысяч были городские телефоны. Например, у моего дяди Вани, начальника участка на шахте. Ещё можно было звонить из автоматов за две копейки, но автоматы обычно были разбиты, трубки оборваны.

Так что понятие «бедный родственник» очень хорошо ко мне подходило. Помню свою детскую зависть, когда я бывал в гостях у двоюродного брата Володи Тинькова. Его отец дядя Ваня работал начальником участка на шахте Кирова и получал рублей 700 – бешеные деньги по тем временам. Мой отец зарабатывал 250 рублей. У Вовы была заветная игра «За рулём» за 10 рублей. Я просил его поиграть, но он обычно не давал, и я, конечно, внутренне ощущал какую-то несправедливость – почему он играет, а я нет?

Позже, когда через 20 лет он просился ко мне на работу, я устроил его таки в свой ресторан в Новосибирске и вспомнил эту историю. Он сказал:

– Олег, плати мне больше, я же твой брат двоюродный.

– Володя, ты же мне не давал игру «За рулём»!

Так что мой совет: ВСЕГДА давайте родственникам поиграть в ваши игрушки!

Я часто ездил в Тюмень. Сначала с родителями, а потом, в 10-15 лет – один. Мать меня сажала в Ленинске-Кузнецком, проводник присматривал, а бабушка встречала в Тюмени. Я проводил там всё лето и знаю город очень хорошо, меня можно назвать «тюменским парнем». Там живёт мой двоюродный брат Сергей Абакумов, он на полгода младше меня. Его родители были очень зажиточные, имели «шестёрку», гараж, кооперативную квартиру, дачу. Высшая часть среднего класса. Раньше советские люди уезжали на север калмыть, вот и родители Сергея заработали в якутском поселке Чекурдах большие деньги. Я думал – как же так? Почему у него есть всё – отдельная комната, стереосистема, синяя «шестёрка»? Папа сажал его на колени и давал порулить, а в 13 лет Серёга уже сам был за рулём, а я сидел сзади. Для меня эти автомобильные запахи казались удивительными – я никогда в Ленинске на машине не ездил. Бедный родственник! Нет, никто надо мной не издевался, не дай Бог, но когда Серёга сам парковал машину, я завидовал.

А в первый раз мы сидели у бабушки и ждали, когда приедет дядя Витя, отец Серёги. Когда он сказал: «Садитесь, поехали», – меня аж затрясло. Я сяду в эту машину? Мы поехали, и именно тогда мне захотелось лучшего – на заднем сидении этой синей «шестёрки» с тюменскими номерами. Меня часто спрашивают: «С чего ты начинал?» С воли к жизни. Жить я хотел, а не прозябать.

Я не мечтал о многом. Подростком я хотел купить куртку «Аляску» – чтобы красиво выглядеть, парфюм – чтобы вкусно пахнуть. Всё проистекало из моих сексуальных желаний. Хотелось нравиться девочкам. Даже пару раз отца в школу вызывали за то, что я девочек донимал – например, одной юбку задрал и полкласса увидело её трусики. До сих пор не могу остановиться, люблю посмотреть на женские прелести. Чтобы добиться женского внимания, я даже одевал папины красные остроносые ботинки, на два размера больше, чем надо, и шёл на танцплощадку в парк имени Горького. Ботинки были с каблуками, и ходить в них было ПОЧТИ невозможно.

О литературе и географии

В школе по поведению у меня всегда был «неуд», а по количеству вызовов родителей я занимал первое место. Учеником я был ужасным, хотя получал и неплохие оценки, особенно по гуманитарным предметам. Особенно нравилась литература, меньше – русский язык, в чём сейчас могут убедиться читатели моего блога.

Из литературных героев больше всех я полюбил Чацкого из «Горя от ума». Я разделял его мировоззрение, подходы к жизни. «Молчалины блаженствуют на свете» – сразу этим проникся. Все реплики Чацкого – как будто мои. Ведь действительно – у нас горе от ума. России не нужен этот ум, она не хочет его. Россия – страна для Молчалиных, а может, и весь мир для Молчалиных... А Чацкий – это что-то высокое, придуманное...

В школьном сочинении я писал, что слова Чацкого вполне можно приложить к ситуации в Советском Союзе. Рассуждал так: Чацкий был не такой, как все, хотел что-то поменять в стране, а в итоге его вытолкнули из общества. Но я тоже не хочу быть таким, как все. Если в литературе Чацкий положительный герой, то почему в жизни я должен со всем соглашаться?

«Вы учите на примерах настоящих героев, но требуете, чтобы мы были как раз теми серыми личностями, против которых эти герои выступают», – сказал я учительнице.

Она со мной не спорила, просто иногда упоминала аббревиатуру КГБ и пару раз выгоняла с уроков за вольнодумство. Так или иначе, но Чацкий до сих пор мой герой.

Конечно, я чтил Пушкина, тоже боровшегося с системой. Очень люблю строки Лермонтова про него:

*Погиб поэт! Невольник чести.
Пал, оклеветанный молвой.*

Нонконформизм, борьба, протест. Молодой человек должен быть революционером. Мне нравился Базаров из «Отцов и детей» Тургенева; Рахметов, спавший на гвоздях в «Что делать?» Чернышевского. Мне нравились все революционеры и декабристы. Потом, после школы, я понял, что социалистическая революция – это зло.

Первая книга, которую я осознанно прочитал, – «Приключения Тома Сойера». Мне близки и Том Сойер, и Гекльберри Финн, потому что они раздолбаи, как и я. Это мои герои. Нравились Марк Твен, Джек Лондон, меньше – русские классики, например рассказы Чехова. Позже, лет в 14, я услышал Высоцкого. Я очумел от его лирики, я его понял. Только великий человек и поэт может написать так, чтобы понял подросток.

Самые лучшие у меня воспоминания о классной руководительнице Лидии Иринчеевне Батуровой. Она – химичка, поэтому химия мне нравилась, и «химичил» я по-чёрному.

Больше всего в школе я любил географию и даже рисовал дома карты Советского Союза, всегда смотрел программу «Клуб путешественников» Юрия Сенкевича. Теперь я путешествую очень много. Не могу больше двух недель спокойно в Москве сидеть – всё время куда-то тянет.

Мне кажется, я любил географию, потому что сердце рвалось наружу, любил свободу и перемещения в пространстве. Если б не случилась перестройка, я б в Советском Союзе с ума сошёл. Когда пограничником служил, хотелось запрыгнуть на иностранный корабль и уплыть. Стал бы нарушителем государственной границы. Я хотел видеть мир не только глазами Сенкевича, но и своими. Любил смотреть на карту, читать названия далёких стран, мечтал побывать в них. Африка, Америка, Австралия – тянуло туда.

Все мы тогда хотели жить лучше, ярче. На уроках в школе в тетрадках рисовали логотипы Adidas, Sony. Была тяга не столько к деньгам, сколько к Западу, к буржуазной жизни, а деньги были просто инструментом.

В мегапопулярном советском фильме «Экипаж» есть эпизод с системой светомузыки, оборудованной в квартире бортиженера Скворцова, которого сыграл Леонид Филатов. Увидев это чудо, я стал мечтать о светомузыке.

Я всегда знал, на что потратить деньги. Кроме еды, это были импортные джинсы и майки, виниловые пластинки, мохеровый шарф, норковая шапка. Хоть я родился в маленьком городишке, по сути, в деревне, к красивой жизни тянуло сильно. Не знаю, откуда это во мне.

Раз в два года родители накапливали тысячу рублей, и мы садились в скрипящий, железный поезд «Новокузнецке-Симферополь» на станции в Ленинск-Кузнецком и ЧЕТЫРЕ дня ехали до Крыма. Перед этим мать шла в сберкассу и клала деньги на аккредитив – чтобы их не украли в дороге. Наличные получали уже на юге.

Мне очень нравились поезда. Варёная курица из дома, яйца, крем-сода... Три раза в день мы ели, вечером пили чай с кусковым сахаром «от проводника». Новосибирск, Омск, Тюмень... В Волгограде в окошко я видел огромную скульптуру «Родина-мать»... На станциях мы выскакивали и покупали семечки, виноград.

По приезде в Евпаторию на нас набрасывались местные бабки – за 10 рублей в сутки они сдавали жильё. Потом уже стали ездить к одной и той же бабушке-хохлушке. 30 дней – 300 рублей – и вперёд! На постоялом дворе жили 5-6 семей. Юг – феерия для сибирского мальчика. Утром просыпаешься – жарко, в саду растут фрукты и ягоды. Мы вставали, завтракали и на целый день уходили на море. Обедали на пляже или в городе. В Евпатории очень чистое и тёплое море, я очень полюбил этот город; нет ничего удивительного в том, что, когда я студентом заработал деньги, сразу же поехал с девушкой именно в Евпаторию.

На вилле в итальянском Форте-дей-Марми у меня есть фотография, где мы с Риной и детьми стоим на пляже. Ровно такую же фотографию мы сделали в 80-х в Евпатории – папа, мама, брат и я. Песок, море, родители. Оба городка ассоциируются у меня с детством, морем и добротой.

Глава 4

Как велоспорт спас меня

Я долго просил родителей купить мне мопед «Восход», по сути, велосипед с моторчиком. Он стоил 105 рублей в местном магазине, но выделить нужную сумму из бюджета у родителей не получалось. Думаю, мать просто боялась: у нас в городе многие тогда бились на мопедах, бывало, что и насмерть.

Когда мне исполнилось 12 лет, мать купила велосипед. Подростковый стоил 30 рублей, но мне взяли сразу взрослый «Урал» за полтинник, чтобы надолго хватило. Велосипед был огромный, и я катался боком, поставив ногу под раму, это называлось «под рамку». Но, даже несмотря на неудобство, катание меня очень захватило. Однажды – мне было тогда 14 лет – мой одноклассник Володя Фомин сказал, что записался в школе в велосекцию. Там сразу давали большой спортивный велосипед, не новый, конечно, но бесплатно. Тренер даже разрешал ездить на нём домой. Это подкупало, и я решил записаться в секцию велоспорта. Я пришёл в секцию осенью 1982 года, как раз когда Брежнев умер. (Картинка до сих пор перед глазами: я ходил по лужам, покрытым тонкой коркой льда, и услышал, как мать зовет меня домой, когда по телевизору передали эту новость.)

Той же осенью у нас была первая прикидочная гонка – велокросс по пересечённой местности. Я приехал в последних рядах, что меня очень сильно задело.

Новым членам секции сразу выдавали велосипед «Старт-Шоссе» харьковского велозавода, но мечтали мы о модели «Чемпион-Шоссе», выпускавшейся по специальному заказу

Я разозлился и начал тренироваться, занимался всю зиму и весну, а уже 9 мая 1983 года выиграл гонку по улицам города в честь Дня Победы. Тренер Иван Степанович Рассказов тогда очень удивился, ведь я занимался меньше, чем другие. А в октябре он всех построил и сказал: «Тиньков, выйди вперёд!» Я с велосипедом сделал два шага, как в армии. «Хочу вам сказать, товарищи спортсмены, что Тиньков – человек, за год не пропустивший ни одной тренировки. Вот на кого надо равняться», – произнёс тренер.

Иван Рассказов, тренер по велосипедному спорту:

Каждый год мы набирали 60 человек по конкурсу, а из них потом оставались 10-15 человек. Олег был целеустремлённый, хотел побеждать и улучшать результаты, не пропускал тренировок, в отличие от других парней.

Он был хорошим финишером, за счёт чего выигрывал гонки и в Ленинске-Кузнецком, и на уровне области.

Всегда улыбчивый, всегда жизнерадостный. Любил и пошалить: то тормоза кому отпустит, то шины спустит – и смеётся, улыбается. Никто на это не обижался. Я рад, что он вырос нормальным мужиком – не ширяется, на шаромыжничает, как другие.

Дальше – больше. Я стал выигрывать соревнования сначала городского, потом областного масштаба, ездить на сборы и гонки за пределы Кузбасса. Именно тогда во мне открылась любовь к путешествиям. Куда я только не летал: Сочи, Алушта, Анапа, Душанбе, Алма-Ата, Ташкент, Фергана, Новороссийск, Калининград...

С велоспортом связан и мой первый бизнес. Перед поездкой на сборы в Ленинабад, второй после Душанбе город в Таджикистане, мой старший товарищ, мастер спорта Алексей Степченков, подошёл и сказал: «Денег с собой возьми так много, сколько сможешь, понял? Там товары есть». Тогда были развиты региональные авиакомпании – мы летали на винтовых Ан-24. Два часа до Ташкента, оттуда ещё два до Ленинабада. Первая тренировка в горах, потом ещё обкатка 30 километров. Заехали в посёлок «Дружба», зашли в магазин, смотрим – на прилавках лежат шарфы мохеровые и джинсы Montana. На ценнике – 35 рублей.

– Здравствуйте, мы возьмём джинсы, – говорю продавцу-таджику.

– 50 рублей!

– Как же 50, если 35 написано?

– Нету джинсов, – таджик убирал их под прилавок.

Спорить бесполезно – таджики тоже хотели подзаработать – и я в итоге купил четыре пары по 50 рублей, на все деньги, что взял с собой. Дома продал их уже по 200 рублей за пару. В четыре раза дороже! А мохеровые шарфы, продававшиеся в Ленинабаде тоже по 35 рублей, у нас стоили 120-150. Ведь город шахтёрский, и люди, по меркам страны, зарабатывали хорошо.

Так и пошло: брал деньги, ехал на сборы, привозил товары. И так два года. Потом уже мы приезжали не в магазин, а прямо на склад и джинсы брали коробками. В то время ОБХСС гонял спекулянтов, но спортсменов, как правило, не трогали: большой багаж не вызывал подозрений, ведь летали с формой, велосипедами. Так что никаких проблем не возникало. Но однажды Леха пожадничал, отправил товар почтой и, когда пришёл получать, его и «принял» ОБХСС. Суд дал два года условно.

На самом деле спортсмены всего лишь делали то, чего не могла сделать плановая система. На хрена мохеровые шарфы в тёплой республике, джинсы с кроссовками – в мусульманской? Никто из местных их не брал. А у нас в Сибири всё это нужно. Я и клюшки привозил! В Сибири не хватало хоккейных клюшек! Деревянные, конечно, продавались, а пластиковые, чешские – нет. А в Ташкенте придёшь в универмаг – их там завались. Но зачем УЗБЕКАМ клюшки? Так работала дурацкая советская система распределения, её ещё называли веерной, квотируемой. Пока Горбачёв думал, как её изменить, и готовился затеять перестройку, мы, спортсмены-коммивояжёры, создавали рынок своими руками.

В Советском Союзе профессиональный спортсмен много путешествовал и априори был бизнесменом, спекулянтом, особенно тот, кто выезжал за границу. Из Франции и Италии велосипедисты привозили форму и велобачки, бегуны – кроссовки. Их иногда ловили, как Лёху Степченко, но победить это явление не могли.

Мама волновалась по поводу моих спекуляций:

– Откуда это у тебя? – спрашивала она про привезённый из Таджикистана товар.

– Мама, я его купил.

– Откуда ты это взял, оно не ворованное?

– Да нет, в магазине в Ленинабаде продаётся.

– А ОБХСС тебя за спекуляции не поймают?

– Не волнуйся, мама, я аккуратно.

– Доведёт тебя этот рыжий до беды, – говорила мама про Лёху, которого считала инициатором моей торговой деятельности. Она как настоящий советский человек отрицательно относилась к таким операциям и боялась за меня, но потом привыкла к тому, что её сын – спекулянт.

Мы катались на велосипедах «Старт-Шоссе» Харьковского велозавода, но мечтали о модели «Чемпион-Шоссе», выпускавшейся по специальному заказу – с алюминиевыми педалями и другими преимуществами. Я мечтал о попадании в СКА, вместо обычной службы в армии, и купил себе старый итальянский велосипед Colnago, которому было лет 30. Рассчитывал в СКА на нём выигрывать. Велосипед тяжелый, синего цвета, перекрашенный, наверное, раз десять, стоил 1100 рублей – в пять раз больше зарплаты моего отца. По такой цене в магазине продавали новые чешские мотоциклы – Yawa или Chezet. А я купил велосипед! Соседи крутили пальцем у виска: «Вон, Тиньков поехал, у него велосипед стоит, как новая «Ява»». Они искренне считали меня идиотом!

Когда я загремел в погранвойска, мама в письме спросила моего разрешения продать велосипед. Удалось получить за него 1000 рублей, и эти деньги она положила на сберкнижку. Придя из армии, я получил их и смог купить себе новую одежду, так что велосипед сберег мне деньги, заработанные на спекуляциях.

Много лет спустя, в 2000 году, я шёл по Сан-Франциско и увидел в витрине магазина велосипед с надписью Colnago. Даже сердце резануло. Я спросил у продавца:

– *Сколько стоит этот велосипед?*

– *Ну, это очень навороченная модель, 3500 долларов.*

– *Вау! Я беру!*

Андрей Максимец, велосипедист:

Первая встреча с Олегом у нас произошла в 1985 году, я уже мастером был, заслуженным чемпионом, лидером в области. Мы съехались на чемпионат области. Гонка на 100 километров. Большая горная трасса. Мы между собой бились, рвались, и этот долговязый парень, Олег, на восемь лет меня младше, вырвался вперед. Нас раздражало, что молодой парень с нами, лидерами, держится на равных.

Уже весной следующего года Олег с нами на сборы поехал, он – за свою команду, я – за сборную. У нас уже проявилась склонность к бизнесу – фарцовкой занимались. Мы в Средней Азии по 2-3 месяца сидели, а там по советским временам изобилие было – джинсы, кроссовки... Мы и форму набирали, и товар успевали выбрать. Потом в Кузбассе перепродавали. Наш шахтёрский край был относительно богатым, деньги у людей водились. На фоне дефицита мы выигрывали. Абсолютно здоровый образ жизни: спорт и коммерция, хотя немного рискованная в то время.

Я купил велосипед, в комплектации он обошёлся в 5000 долларов. А позже я познакомился с основателем фирмы Эрнесто Кольнаго. Он основал производство велосипедов в 1954 году, в возрасте 22 лет. И как же правильно он вёл бизнес, если через 30 лет все велосипедисты в далёкой Сибири мечтали именно о велосипеде Colnago! Эрнесто очень смеялся над историей о покупке моего первого Colnago и подарил мне Colnago for Ferrari. Эту модель красного цвета выпустили в количестве 200 штук к 60-летию юбилею Ferrari. Сейчас велосипед стоит в моём московском офисе. Таким образом, начал я со старинного Colnago за 1100 рублей и закончил Colnago for Ferrari, выставленном в Harrods за 10000 фунтов стерлингов.

Эдуард Созинов, школьный друг Олега Тинькова:

Родители Олега жили скромно, в однокомнатном бараке без удобств. Квартиру получили в Полысаево уже перед самым его уходом в армию, до этого условия были спартанскими. Олег на кухне спал, на диванчике, родители в зале. Ему всегда хотелось большего. Мечтал об итальянском велосипеде Colnago, он бешеных денег стоил. И благодаря своей целеустремленности накопил-таки. Считался «первым колесом» Кузбасса, в газете про него писали. Будучи юниором, обходил даже взрослых. Очень сильный физически, ноги накаченные, никогда не курил и почти не выпивал.

Именно спорт развил в нём коммерческую жилку. Он много ездил по стране, имел возможность что-то привезти. Например, в Средней Азии покупал мохеровые шарфы, абсолютно там не нужные, и потом в Ленинске продавал. Как-то привез куртки из синей плащевки – таких ни у кого не было в городе. А однажды – шикарные сапоги для меня! Всегда порядочным был, на друзьях не пытался наварить.

Но голова всегда в правильном направлении работала. Как-то сосед привёз зимние кроссовки из Питера. Ему на вокзале продали в темноте пару с разным цветом подошв: одна белая, другая черная. Олег сторговался с ним по дешёвке, кроссовки рублей в 100-120 обошлись, а потом покрасил подошвы лаком и продал за 250 рублей.

* * *

С велоспортом связан не только мой первый торговый, но и сексуальный опыт. Однажды в Ленинабаде нашу сборную Кемеровской области по велоспорту поселили в общежитии аэропорта на второй этаж. А на третьем разместили женскую сборную Казахстана. Из казашек велосипедистки сомнительные, поэтому в сборную входили только русские девушки. Кстати, питанием и инвентарём их обеспечивали лучше, так как сборная Казахстана считалась республиканской, а наша – областной.

Но тренировались все в одних горах. Вечером тренер приходил, закрывал нас, говорил: «Всё, ребята, спать». Но девки нам спускали простынь с третьего этажа, и мы всей комнатой с шампанским залезали к ним – вот тебе и спортсмены! Тогда и случился мой первый сексуальный опыт, с Ирой из Алма-Аты. Она в 16 лет учила меня целоваться, показывала технику секса – спортсмены вообще люди развратные.

Ира, привет, ты была лучшая, моя первая сексуальная партнёрша!

Она потом уехала в Москву, занималась трековыми гонками. Я как-то открыл газету – бах! Ирка стала чемпионкой СССР среди юниоров!

* * *

Из-за сборов я, по сути, с 8 по 10 класс не учился в школе. Диплом о среднем образовании лежит где-то в Горном институте. В нём все тройки, мне просто «за глаза» их проставили, я даже выпускные экзамены не сдавал. Самое смешное, что и по физкультуре тройку поставили, хотя я был кандидатом в мастера спорта.

Каждый год в Алма-Ату слетались велогонщики со всего СССР и выполняли нормативы на звание кандидата в мастера спорта и мастеров спорта. Чтобы получить звание, надо проехать парную гонку (два человека сменяют друг друга каждые 300-500 метров) на время (25 километров за 33 минуты); групповую гонку (группа в целом должна выполнить норматив по

времени и, кроме того, нужно попасть в ней в число лидеров); гонку с раздельным стартом. Я звание КМС получил в 1984 году, а осенью 1985 года в Омске выполнил и норматив мастера спорта. Но так как менял тренера и секцию, документы затерялись в бюрократической канцелярии.

Тяга к победе сформировала меня и как спортсмена, и как бизнесмена: нужно выигрывать, побеждать. Я по квалификации велоспринтер, потому что высокий и тяжёлый. А спринтеры чаще выигрывают, в отличие от горных гонщиков или тех, кто выступает в индивидуальных гонках. К финишу подъезжает вся толпа, и начинается спринт. Для быстрого ускорения нужно обладать мышцами определенной структуры, гонка начинается на последних 500 метрах. Надо оказаться впереди и не бояться, пролезать в дырки между другими гонщиками. Это страшно: на бешеной скорости едут 20-30 человек, толкаются рулями, телами, падают. Со страхом нужно бороться, иначе проиграешь. Я тоже иногда боялся – только дурак не боится – поэтому выигрывал не всегда.

Если посмотрите по телевизору «Тур де Франс», где больше половины этапов – спринт, то увидите, что там творится. Гонщики финишируют на скорости 70 километров в час. Это сумасшествие. И, конечно, падают и разбиваются.

В мае 1985 года я участвовал в финале 1-х Всероссийских юношеских игр в Новороссийске

Победы повлияли на мой характер. Гонки были юниорские, в среднем 120 километров, иногда 80. У юниоров, в отличие от профессионалов, сила очень сказывается на результате: если человек сильнее физически, он скорее всего выиграет. Я стартовал в общей сложности больше чем в 100 гонках, а выиграл более 30 раз – это довольно много. Самый идеальный вариант – когда попадаешь в пятерку, оторвавшись от всей толпы: если выиграл у нескольких десятков, оставшиеся пять уже не проблема.

После десятого класса нужно было куда-то устраиваться. Ещё учась в школе на УПК, учебно-производственном комбинате, я более-менее освоил профессию токаря. Поэтому меня

взяли на завод «Кузбассэлемент», выпускавший разнообразные батареи. При заводе функционировала велосекция, куда я и перевелся летом 1985 года. По три-четыре часа в день я «токарил», а после работы шёл тренироваться. Получал 60-70 рублей. Официально, по документам, – токарь, а на самом деле – профессиональный спортсмен!

В конце 1985 года я вернулся в велосекцию при шахте Кирова к Ивану Степановичу Рассказову. Тренер меня устроил на шахту – учеником электрослесаря в цех по ремонту электрооборудования. Это уже была реальная, а не фиктивная работа. До 18 лет ты не можешь работать в самой шахте, только на поверхности при стволе. Мы получали пускатели и другие сломанные электроприборы из клетки (это такой открытый лифт, доставляющий шахтёров и грузы на глубину), на вагонетках везли в цех и ремонтировали. Я трудился целую смену, с семи утра до трех часов дня, потом смывал грязь в душе и шёл на секцию.

С января 1986 года я мог спускаться в шахту, но никогда не бывал в забое, просто забирал в районе клетки сломанное оборудование. Потом мы его чинили, хотя чаще я спал в этих же пускателях. Меня жалели, понимая, что сразу после смены предстояла тренировка на три-четыре часа. Тем не менее в шахте я получал 90-120 рублей, в зависимости от того, сколько подпишет начальница, тётя Нина.

Помню, как с зарплаты купил себе кроссовки «Московский Адидас». Это был один из немногих проектов по сотрудничеству с западными фирмами. В 1980-х СССР купил у Adidas лицензию на производство всего ОДНОЙ модели, и производили эти синие кроссовки на московском экспериментальном комбинате спортивной обуви «Спорт». Отсюда название – «Московский Адидас». По сути, это ещё одно свидетельство несостоятельности социалистической системы; чиновники расписывались в том, что в её рамках нельзя сделать качественную обувь. Мои друзья, фарцовщики, привезли из Ленинграда уже ношенные кроссовки. Они стоили 90 рублей, на 30 рублей дешевле новых. Представляете, нужно было работать целый месяц на шахте за пару уже не новых кроссовок! Но я все-таки их купил, так как гораздо больше, чем в шахте, зарабатывал на спекуляциях, привозя товары в Кузбасс из Средней Азии. Мой капитал тогда составлял пару тысяч рублей.

В последнюю зиму перед армией гормоны заиграли, я купил куртку «Аляска», как у Ромы Абрамовича, и ходил в женихах. Говорят, что Иваново – город невест, а для нас таким городом был Ленинск-Кузнецкий. При знаменитом камвольно-суконном комбинате были две женских общаги, в одной из них я познакомился с ткачихой по имени Света. После велосипедистки Иры это был мой сексуальный опыт №2.

Я приходил к ней в общежитие через проходную, мы занимались сексом, а вылезал под утро через окно третьего этажа. Спускался по верёвке, как мартовский кот. От общежития до моего барака на Кооперативной идти километров пять – так я пешочком в метель и шёл.

Надо отдать должное, в СССР сделали хорошую спортивную инфраструктуру. При въезде в Ленинск-Кузнецкий стоит огромная школа олимпийского резерва по спортивной гимнастике. Кстати, когда российские спортсмены готовились к Олимпиаде в Пекине, сборы там проходили, так как часовой пояс один и тот же.

У нас очень сильная спортивная гимнастика. Из Ленинска-Кузнецкого родом двукратная Олимпийская чемпионка Мария Филатова, абсолютный чемпион Европы по гимнастике Максим Девятковский. Хорошо развиты велоспорт, лыжи, мотогонки на льду, штанга. Многократный чемпион мира по пауэрлифтингу Константин Павлов – из Ленинска-Кузнецкого, многократный чемпион России по мотогонкам на льду в классе до 125 кубических сантиметров – Валерий Коробков.

И я благодаря этой инфраструктуре получил возможность заниматься велоспортом, и до сих пор он играет в моей жизни заметную роль. Большое спасибо тренеру Ивану Степановичу Рассказову, он мне многое дал, до сих пор хорошо его помню. Если б не велоспорт, неизвестно,

кем бы я стал. Когда мои друзья дрались, бухали и бегали за девками, я увлекался спортом. Именно благодаря спорту я научился бизнесу. Как ни крути, это пуповина – отсюда всё пошло.

Лидия Иринчеевна Батурова, классный руководитель Олега Тинькова:

В классе были свои хоккейная и футбольная команды. Дети, посещавшие эти секции, воспитали в себе чувство локтя. И в дальнейшем пошли в шахту. Они выросли в коллективе, многие до сих пор поддерживают отношения. А Олег один из класса выбрал велоспорт. Он многого не помнит из классных баталий, потому что всё время тренировался. Часто уезжал на соревнования, а по возвращении рассказывал ребятам, где был, что видел, что делал. Велоспорт, гонки выработали в Олеге лидерские качества, чувство ответственности за себя и свои решения. Дети в основном держались вместе – на футболе, хоккее, на танцах, а Олег был индивидуальностью. Пожалуй, только в одном он принимал активное участие: когда мальчики начали ухаживать за девочками, целовать и «зажимать» их.

Будь он со всеми, в футбольной или хоккейной команде, вряд ли из него что-то получилось бы. Спорт ему помог, дал старт. Помню, как на 23 февраля девочки сочинили стихи про Олега, что-то вроде: «Олег Тиньков на своём велосипеде от нас уехал далеко». И он действительно убежал вперёд. Я 48 лет отработала в школе и выпустила много интересных учеников. Среди них ученые, полярники, но такой успешный всего один.

В восьмом классе кто-то уже пробовал водку, а Олег фактически начал свой бизнес. Я узнала об этом от своих учениц: они рассказали, что Тиньков привёз на продажу из Прибалтики косметику. Олег торговал, увозил-привозил, но ни ребята, ни мы, учителя, тогда ещё не воспринимали такой род занятий всерьёз.

Глава 5

Вместо СКА – в погранвойска

Работая на шахте, я жил в ожидании весны, так как очень надеялся, что меня возьмут в СКА. В противном случае мне светила армия. И тут мой тренер Иван Степанович единственный, наверное, раз, меня подставил – сейчас я уже на него не обижаюсь, что ни делается – к лучшему. Он обещал мне попадание в СКА, но там было всего одно место. В весеннем призыве 1986 года оказался ещё один спортсмен 1967 года рождения. Сын начальника новосибирского СКА. И вместо меня, Олега Тинькова, чемпиона города, Кузбасса, неоднократного победителя соревнований, в новосибирское СКА взяли этого сынка. Хотя я его одной ногой «обкручивал».

Лохматая рука, блат в России были, есть и будут. Вот и я пострадал. В апреле 1986 года меня загребли в армию, и вместо СКА я попал в пограничные войска при КГБ СССР. На этом мой велоспорт закончился, карьера оборвалась на взлёте. Всё, что я впоследствии делал – моё возвращение в спорт в 2005-2006 годах, участие в гонках, создание велокоманды Tinkoff, сегодняшние заезды в Италии по четыре тысячи километров в месяц, – произошло потому, что не докатался тогда.

Нас учили тому, что граница СССР священна и неприкосновенна

Когда нас погрузили в плацкартный вагон, я смотрел в окошко на молодую зелень и вспоминал песню Владимира Семёновича Высоцкого:

Весна ещё в начале,
Ещё не загуляли,
Но уж душа рвалась из груди, —
И вдруг приходят двое,
С конвоем, с конвоем.

«Оденься, – говорят, – и выходи!»
Я так тогда просил у старшины:
«Не уводите меня из Весны!»

Но старшина увёз. Сначала мы ехали на поезде до Красноярска, потом на самолёте до Владивостока, потом на автобусе до Находки.

Когда прибыли в часть, дембеля у нас отобрали всю еду, но мы особо и не сопротивлялись. Сначала с ними борзо разговаривали. А они нам отвечали: «Сейчас вас подстригут, потом поговорим». Подстригли, сводили в баню, дали сначала автомат, а потом и пулемёт Калашникова станковый – ПКС. Этот пулемёт очень тяжёлый, но стреляет лучше других, с ним трудно промахнуться, в отличие от автомата. Мы бегали кроссы, но все эти трёхкилометровые броски давались мне легко. Мы на зимних сборах в секции велоспорта бегали по 15-20 километров.

От жары и нагрузок мы так потели, что ткань разъедало, и форма рвалась через три месяца. По уставу положено обмундирование раз в шесть месяцев менять, но нам меняли чаще. Мы бегали, прыгали, взрывали. Взрыв слева, справа, вспышка слева, справа. Когда я читаю о том, что сейчас творится в армии, у меня начинается депрессия. Серьёзной подготовки нет, дедовщина. Из нас же по-настоящему готовили офицеров погранвойск. В случае войны мы бы реально защитили страну. Армия, во всяком случае погранвойска, были действительно боеготовыми.

Слухи о дедовщине в Советской армии сильно преувеличены, не так было всё плохо. Хотите верьте, хотите нет – у нас в пограничных войсках ничего подобного не было. Всё зависит от офицеров, их квалификации и подходов. Да, в армии своя иерархия. Да, я мыл полы, а «дед» не мыл, но меня ни разу не пбили за два года. Могли толкнуть, дать пинка под зад, но никаких избиений не было.

У меня многие друзья в Афган попали, я и сам чуть туда не загремел. Был выбор между Афганистаном и границей. Родина посчитала, что с моими габаритами в метр девяносто я принесу больше пользы на границе. А вот трое моих одноклассников служили в Афгане и вернулись конченными людьми, научились курить марихуану и многому другому. В Сибири до 1986 года я не знал, что такое наркотики. Когда вернулся из армии, стала распространяться анаша. В основном через людей, служивших в Афганистане. Потом появился и героин.

Олег Иконников, велосипедист:

Мы с Олегом вместе тренировались, на сборы ездили, норматив кандидата в мастера спорта выполняли. Финиш у него очень сильный. И критериум выигрывал, и групповые гонки. Темповик хороший, мог в команде постоять, когда выезжали на соревнования российского масштаба. Хотя возраст был юниорский, он ездил уже «в мужиках». Мог бы гонку в юниорах выиграть, но его ставили в более возрастную команду, чтобы дырку закрыть. Если б дальше занимался, мог добиться серьёзных успехов. Условия нужны были, тренеры более профессиональные, как в Омске, Куйбышеве. Кого запикивали в СКА (Омск), у тех потом всё хорошо было. Если б Олег не забросил занятия, мог бы стать чемпионом, талант у него есть.

В СКА было трудно попасть. Надо было ехать в Омск, на колени падать перед тренером и просить, чтоб взял. Олег, видно, и не очень хотел. В Омске сильная команда, оттуда уже попадали в ЦСКА или сборную Союза, а в 1990-х годах появилась возможность уйти в профессиональную команду. Когда мы с Олегом занимались, такого, естественно, не было. А в Новосибирске СКА на уровне деревни, туда особого смысла не было ехать – если только от армии отмазаться. Тренерам надо было хвататься за таких спортсменов, как Олег, и

двигать их дальше. А у нас, если спортсмен сам не начнёт продвигать себя, ничего не будет. А это тренер должен делать.

* * *

На границу и в Афганистан пачками отправляли служить молодых здоровых сибирских ребят, из Питера и Москвы меньше забирали. Друзья рассказывали ужасные вещи – как их избивали, как они бухали. В погранвойсках ничего подобного не было, все было чётко, по полочкам.

Меня взяли в школу сержантского состава. И шесть месяцев – с апреля по октябрь 1986 года – я получал звание младшего сержанта погранвойск. Это были одни из самых трудных дней в моей жизни, серьёзная физическая и моральная нагрузка. Однажды я даже думал о самоубийстве. Наверное, второй такой же трудный период – подготовка к велогонке в 2005 году, но об этом позже.

Сержанту хорошо: не надо мыть пол, в наряд на кухню ходить и соответственно в помоях копаться. Но как-то я одного офицера на хрен послал – мне сержантские лычки и сорвали. Пришлось на кухне полы помыть и в говне покопаться. На втором, дембельском, году службы это не очень приятно было. Перед дембелем лычки все-таки вернули.

	<p>Но есть еще и другая трудность — вхождение в коллектив. В большинстве своем они в округе хорошие, сплоченные. Но, к сожалению, факты нарушения уставных требований в отношениях между военнослужащими изжиты не везде. И если доведется встретиться с несправедливостью по отношению к тебе со стороны некоторых недисциплинированных военнослужащих, не пасуй перед этим. Ни на минуту не забывай о своем достоинстве, всячески борись против чуждого советским пограничникам псевдо-старшинства, помни, что ты — равноправный член воинской семьи. Не забывай о своем уставном праве — доклада по команде. На твою просьбу, на твоё заявление или предложение каждый офицер, к которому ты обратишься, откликнется немедленно.</p> <p>Успешного тебе продолжения службы на благо нашей социалистической Родины! Помни всегда народную мудрость: «Доброе братство милее богатства».</p> <p>Военный совет, Политотдел КТПО.</p>
<p>Товарищ пограничник!</p> <p>курсант ТИНЫКОВ ОЛЕГ ЮРЬЕВИЧ</p> <p>Ты служишь на прославленной тихоокеанской границе, известной своими боевыми традициями. Одна из извечных традиций — крепкое пограничное братство.</p> <p>Ты делаешь в своем подразделении первые шаги. В службе и в учебе встречаешь много трудностей. Успешно преодолевать их — твой конституционный долг. Проявляй дисциплинированность, не давай повода для нареканий со стороны товарищей в твой адрес.</p>	

Нас предупреждали о дедовщине, но у нас ничего подобного не было. Да, я мыл полы, а «дед» не мыл, но меня ни разу не побили за два года

В июне 1986 года, если кто помнит, состоялась знаменитая поездка Михаила Горбачёва на Дальний Восток, в Находку, Владивосток. Он даже к нам в часть заезжал, я лично его видел. Наша часть считалась элитной, называлась «ОКПП Находка» (отдельный контрольно-пропускной пункт), мы стояли на границе, в порту Восточный. В связи с приездом первого лица страны мы два месяца практически не занимались боевой подготовкой, а репетировали приезд Горбачёва. Каким образом?

Была такая советская тупость (наверное, и сейчас существует): нас вывозили из части и укладывали вдоль дороги. Мы лежали в кустах и отгоняли грибников и случайных прохожих. Лежали часа по два, потом нас забирал офицер. Конечно, лучше лежать и два часа спать у дороги, чем бегать, прыгать и учить всякий бред типа устава. Смысл был в том, что, если Горбачёв поедет по этой дороге, он будет под охраной. Причем мы готовиться стали за два месяца. Зачем – непонятно. Лежать у дороги не бог весть какая технология. Может, и сейчас так охраняют, когда ездит Медведев.

Не знаю, как сейчас, но в Советской армии меня морально угнетали, и я тяжело это переживал. Подъём, время пошло, натягиваешь портянки, сапоги, натираешь мозоли. Потом нам срезали их в медпункте – все через это прошли. Встать, сесть, упор лёжа принять, отжаться! Солдат, молчать! Заткнись! Кирзовые сапоги с портянками мне набили такие мозоли, что теперь любые новые туфли ношу спокойно.

Мой друг Олег Каковин, парень из Ленинска, дольше всех держался, месяца три, пытался воевать с прапорщиками, материл их. Но все было бесполезно. Система построена на угнетении человека, на уничтожении его личности. Солдаты – винтики. Главное – превратить личность в ничто. Когда нет «я», появляется масса цвета хаки. «Я не видел толпы страшней, чем толпа цвета хаки», – как раз в то время пела группа «Наутилус Помпилиус». Возможно, в западной армии происходит то же самое.

Если Олег ругался или посылал подальше сержанта, звучала команда: «Взвод, строиться! Три километра бегом марш!» Все бегут и говорят: «Слушай, Олег, ты давай завязывай». Или звучит команда «Встать!» Все встают, а он сидит. Опять следует наказание: марш-бросок на три километра. Но когда в третий раз он опять что-то там не выполняет и всех из-за него строят и заставляют бежать три километра, все уже злятся, бегут и пинают его. И хочешь не хочешь, прекращаешь всякое сопротивление. Воспитывают через коллектив. Невозможно взять и всех послать, из-за тебя накажут взвод в 30 человек, в итоге ты сам страдаешь. Это очень эффективная психологическая методика. Но, слава богу, я её никогда не использовал в отношении своих людей в бизнесе.

В мои обязанности пограничника входил досмотр зарубежных кораблей при заходе в порт. Мы следили за тем, чтоб не было нарушителей государственной границы. Ни одного так и не обнаружили. Какой сумасшедший будет в СССР нелегально въезжать? Выехать нелегально желающие были, а вот въехать – точно нет. Абсурд! Заходили на корабль – там корейцы, китайцы, японцы. Мы их формально проверяли. Пока ходили по каютам, видели иностранные вещи – джинсы, журналы, рассматривали их с интересом.

Там появились мои первые познания в английском языке:

– Open this.

– *Please, go one by one.*

– Show me your passport, please.

– ***Please, open the door.***

У нас служили два брата из Брянска, один из них был стукачом. Я его побил за то, что он стучал начальнику, полковнику Зубрю, которого все боялись как огня. Если скажешь что-то не то, заставит из туалета вычерпывать говно целый день. Настоящий террор – ни слова сказать, ни посмотреть. Я демобилизовался 22 года назад. Но если бы сейчас Зубря встретил, набил бы этой свинье морду. Представьте, до какого состояния можно довести человека, если и 20 лет спустя он готов другому харю набить! При том, что я отходчивый: к тем, кто мне насолил, скажем, год назад, уже отношусь спокойно.

* * *

Второй год службы был более лёгким, но и более сумбурным. За два года я отдохнул от спекуляции, ведь в армии заниматься ею было невозможно. Единственные два года сознательной жизни, когда я не занимался бизнесом, – это служба в армии. Меня надёжно оградили от него, надев зелёные погоны. Появились новые приоритеты – значки отличника погранвойск первой степени, второй степени... Армия меня затянула, я увлекся строительством военной карьеры, даже думал остаться прапорщиком.

Перед дембелем в апреле 1988 года я и трое моих друзей написали заявление, что хотим служить дальше, даже приказ потом пришёл. Один офицер нас убедил: мол, куда вы денетесь на гражданке, пока вас не было, там какая-то перестройка началась, бардак, на заводах деньги не платят, а армия – это стабильность. Нам обещали полное государственное обеспечение, паёк и зарплату 200-250 рублей. Представляете, я подписал контракт! Сейчас был бы придурком, старшим прапорщиком или капитаном где-нибудь в Николаевске-на-Амуре.

Капитан погранвойск Тиньков!

Но есть всё-таки провидение. Внутренний голос вдруг сказал: «Нет, Олег, поезжай домой». Я пришёл к капитану Саяхову:

- Товарищ капитан, можно я заберу заявление?
- Ты что, охренел? Мы уже всё во Владивосток отправили, тебя утвердили.
- Я не хочу быть прапорщиком.

Офицер назвал меня идиотом и отправил на дембель.

Фразу «перед тобой открыты двери всех учебных заведений» я всерьёз не воспринял

Заодно провидение убергло меня и от членства в Коммунистической партии: чтобы стать прапорщиком, нужно было стать коммунистом, я даже заявление написал.

После дембеля мы с двумя товарищами прилетели из Хабаровска в Кемерово, а мне ещё до Ленинска надо было ехать. Тогда уже всю шла горбачёвская борьба с алкоголизмом, водку было не купить. Мы отстояли очередь, купили бутылку водки и выпили на троих. Мне стало плохо, я упал и уснул прямо на вокзале в Кемерово, так домой и не приехал в ту ночь. Представляете, пограничник в парадной форме, с регалиями спит под лавкой в блевотине! Проспавшись, пошёл к другу кемеровскому, с которым дембельнулся, попросил щётку, вычистил форму и уехал в Ленинск.

Ничего хорошего в армии нет, но я рад, что там побывал, – это дало закалку, физическую и моральную. Армия вообще не для слаботервных, не для кисейных барышень. В целом это отрицательный опыт, и вдаваться в детали не хочется. Но я бы всё равно рекомендовал пойти служить: получаешь реально много, приходишь другим человеком. Хотя легко советовать, когда через это уже прошёл. Хотите верить – хотите нет, но могу побеседовать с человеком и с большой долей вероятности определить, был он в армии или нет. У служивших есть какая-то сила духа, стержень. Так же, по некоторым чертам, я могу определить русскую девушку, как бы прекрасно она ни говорила на другом языке. Я об этом как-то писал в своём блоге, это вызвало большие дискуссии.

Расскажу интересный случай. 23 февраля девушки из нашего банка поздравляли мужчин, собралась полная аудитория – где-то 200 человек. Я традиционно открывал мероприятие и стал произносить речь, начав со слов «ратный подвиг». Я говорил собравшимся про армию, но вскоре заметил недоумение, непонимание в глазах. Тогда я спросил: «Ребята, поднимите руку, кто вообще в армии служил?» Представьте – перед вами стоит 150 мужчин. Я ожидал половины рук, 20 процентов, даже 15, но когда поднялось всего три руки, был совершенно шокирован, мне сразу стало противно, я быстренько закончил речь и ушёл.

У нас в России много двойных стандартов. Когда клерки, не служившие в армии, в московских офисах отмечают 23 февраля, причем с размахом – это просто лицемерие. Надо или не отмечать совсем, или назвать просто «День мужчин» – по аналогии с женским днем. Сейчас мало кто служит в армии. Даже не знаю, плохо это или хорошо.

Так или иначе, 28 мая, в День пограничника, я вернулся в Ленинск-Кузнецкий. Мы видим сейчас, как отмечают этот праздник. Сумасшедшие в зеленых беретах бегают пьяными по Москве и Петербургу, орут, поют и купаются в фонтанах.

Дорогие читатели, официально заявляю:
МЕНЯ среди них нет!

Хотя я прекрасно помню нашу строевую песню:
У пограничника суровые законы,
Нельзя нам спать, когда другие люди спят,
И мы с тобой, дружок, опять идём в наряд.
У пограничника суровые законы.

Глава 6 «Зарницы не будет!»

Я вернулся из армии, зная, что буду работать в шахте.

Из армии в мае 1988 года я приехал возмужавшим и голодным до секса

Сразу позвонили из КГБ, пытались рекрутировать. Поскольку пограничные войска относились к «конторе», мне сказали: «Ты же наш!» Но если вы внимательно читали про ценности, привитые мне отцом, то поймёте, что я любезно отказался.

Буду шахтёром, как батя! Он как раз к тому моменту вышел на пенсию, поэтому я решил, что заменю его на шахте имени Кирова. Я пошёл и написал заявление о приёме на работу. А между тем подумал: хорошо бы сначала отдохнуть! И как раз встретил свою классную руководительницу. Она сказала, что едет работать директором пионерского лагеря и спросила, не желаю ли я отдохнуть. У нас в городе было педагогическое училище, готовившее будущих воспитателей детских садов и учителей начальных школ. Они проходили практику пионервожатыми в лагере «Юный строитель», принадлежавшему одному строительному тресту в Ленинске-Кузнецком. «Ты же спортсмен, давай к нам физоргом», – сказала классная руководительница. И я подрядился на лето, а в шахту решил идти работать с сентября.

Отматывая время назад, я думаю, что июнь 1988 года – самый счастливый месяц моей жизни. Оказалось, что в лагере было всего два мужчины – физорг и художник. Художник, кажется, плакаты какие-то рисовал типа «Пионеры, вперёд!». И совершенно не пользовался успехом у женщин. В отличие от меня, гарного хлопца, только что «освободившегося» из погранвойск. Если учесть медперсонал, менеджмент лагеря и пионервожатых, соотношение мужчин и женщин составляло 1 : 50. Это делало своё дело! Один в лагере! Король! Я получил такой сексуальный опыт, что – мама дорогая! Девушки даже дрались за меня. У меня были деньги – та самая тысяча, вырученная от продажи велосипеда Colnago. Я покупал ящиками венгерское шампанское – бутылка стоила 5 рублей 50 копеек, – ставил у себя в комнате, и мы пили. Когда утром выходил делать зарядку, надо мной весь лагерь смеялся. Перво-отрядники всё уже понимали и кричали мне: «Олег, иди поспи!» Они слышали, что я всю ночь бухал с девками. А я им: «Делай раз! Делай два!»

Однажды мне поручили провести игру «Зарница», а я не знал как. Чтобы с меня эту обязанность сняли, пришлось закрутить роман со старшей пионервожатой. Она растаяла: «Ладно, не надо зарницу проводить, чёрт с ней». Пионеры спрашивали:

– *Когда же будет зарница, товарищ физорг?*

– Зарницы не будет! – уверенно отвечал я.

Солнце, река, ягоды, девушки – что ещё нужно демобилизовавшемуся солдату? Всем пришедшим из армии рекомендую идти работать физоргам в лагерь. Это самое увлекательное и романтическое занятие для солдата.

В лагере я познакомился с Жанной Печоркиной. Она проходила практику – подрабатывала в столовой перед поступлением в медицинское училище. Когда я её увидел в столовой недели через три после начала смены, то понял, что все мои дурачества закончились. Влюбился с первого взгляда. В июне ей исполнилось 17 лет. По нынешним временам – очень ранний возраст, но не для Сибири советского периода. Тогда в 18 лет родить ребенка считалось нормой. Мы гуляли по лесу, держась за руки – романтика. Невинная девочка, моя первая настоящая любовь.

Отматывая время назад, я думаю, что работа в пионерском лагере в июне 1988 года – самое счастливое время моей жизни

Мы были неразлучны и вместе ездили в город навестить родителей. 28 июня 1988 года мы сели в желтый «Икарус», он отходил прямо от центрального рынка в Ленинске-Кузнецком, и поехали в деревню Егозово. Все расселись по местам, только мы вдвоём стояли на задней площадке и целовались. Автобус ехал на огромной скорости, его подбрасывало, я ещё обратил внимание: чего он так быстро несётся? Вдруг удар, скрежет, а дальше я уже ничего не помню... Очнулся – лежу на ступеньках автобуса, свернувшись калачом. Поднявшись, увидел, что ровно половины автобуса нет, крыша, стекла обрублены. Знаете, как выглядят туристические автобусы в Лондоне и Париже – так же не было задней части и у нашего автобуса. В шоковом состоянии я стал звать Жанну. Перепрыгнул через отверстие в задней стенке автобуса, там просто не было стекла, и бросился искать её на дороге. Смотрю – она лежит в кювете, полностью накрывшись юбкой, видны голые ноги и нижнее бельё. Я говорю ей: ты что, у тебя всё видно, опускаю юбку. И вижу то, что, надеюсь, никогда больше не увижу в своей жизни. Я вижу мою любимую девушку, у которой практически нет головы. Её потом и хоронили в закрытом гробу.

Я схватил её на руки, не помня себя. Потом чувствую, что хватают уже меня, и слышу: «Срочно этого в скорую!» Возле машины мне становится дурно, я сплёвываю, и восемь зубов просто падают на асфальт.

Что же произошло в ту роковую минуту? Когда мы стояли и целовались, в бок нашего автобуса на огромной скорости врезался КамАЗ. От дикого удара пошла стойка, меня отбросило вниз, на ступеньки. Я не вылетел из автобуса, и это меня спасло. Жанна стояла спиной к этой стойке, а я лицом. Стойка просто снесла ей голову – на неё пришёлся основной удар, мне уже досталось меньше. Так как Жанна ниже меня на 15 сантиметров, её ударило по голове, а меня по зубам. По сути, она спасла мне жизнь, прикрыв своей головой. Представьте весь цинизм ситуации: всё произошло в момент нашего поцелуя.

Это был первый раз, когда я спасся, когда Господь сохранил меня... Меня привезли в больницу, сделали кучу операций... Приходили следователи, что-то выясняли. Я находился в

полном шоке из-за этой трагедии. Мне казалось, жизнь закончена. Двадцатилетнему парню пережить такое...

Я не мог видеть лица наших общих знакомых, её родителей, эти автобусы, этот город. Как в песне «Наутилуса Помпилиуса»: «Я смотрел в эти лица и не мог им простить того, что у них нет тебя, и они могут жить».

Я должен был уехать из Ленинска-Кузнецкого.

Как-то я встретил своего друга Юру, жившего напротив меня, на улице Кооперативной. Он сказал, что другой мой сосед, Витя Стародубцев, уехал в Ленинград и поступил в Горный институт. Юра и Витя объяснили, что всё не так сложно: нужно взять документ, что работал в шахте, к тому же я после армии. Я воодушевился и спросил, когда будет приём документов. Оказалось, что осталась неделя. И тогда мой друг детства Эдик Созинов, до сих пор живущий в Ленинске, помог мне. Мы быстро собрали какие-то медицинские справки, в шахте я взял справку, что отработал там девять месяцев. Собрал все документы и одев форму младшего сержанта, я сел в поезд и поехал поступать в Питер. Остаться в Ленинске было невыносимо.

Когда лет десять назад я встретился с Эдиком, он сказал: «Помню, как мы тебя посадили в поезд. Но никто не верил в эту затею».

Я и сам не верил. В последние два года учёбы я, по сути, не посещал школу, потом два года прослужил в погранвойсках, что вряд ли улучшило мои интеллектуальные способности. Какую же наглость надо иметь, чтобы поступать в Ленинградский горный институт, первое высшее техническое заведение России, основанное ещё Екатериной Второй!

Лидия Иринчеевна Батурова, классный руководитель Олега Тинькова:

Я встречалась с этим выпуском 25 лет спустя после того, как они окончили школу. Ребята рассказывали, кто чего добился. 14 учеников из класса окончили школу на «четыре» и «пять», но достичь такого успеха, как Олег, никто не смог.

Когда росло поколение Олега Тинькова, в Ленинске-Кузнецком работали 11 шахт, заводы, всё развивалось. Обстановка в советское застойное время была более стабильная: закончил школу, пошёл в институт или техникум, получил образование, а потом и работу. А эти дети совершали свои первые взрослые поступки в конце 1980-х, в период неразберихи в стране. Мало кто сумел выстоять в житейском водовороте.

Сейчас убрали всю социальную надстройку – школы, детсады, стадионы. Стадион и спортзал, где Олег вырос и занимался велоспортом, сровняли с землёй. В городе осталось только пять шахт, закрыли пять крупных предприятий: камвольно-суконный комбинат, электроламповый завод, «Кузбассэлемент», «Химпром», швейную фабрику. Тысячи людей оказались выброшенными за борт. А значит, они не могут дать детям нормальное образование. Вообще, трагедия маленьких городов сегодня в том, что детям негде развиваться, некуда идти. У меня уже учатся дети моих учеников. И скажу, что уровень образования сейчас редко выше техникума или колледжа. Единицы способны вырваться и пойти дальше. У детей нет материальной базы и стимула. Когда Олег уже встал на ноги, он приехал в Ленинск-Кузнецкий и привёл своих детей в нашу школу. Его дочь Даша, только что вернувшаяся из Америки, спросила: «Папа, неужели сюда ещё ходят дети?» Школа маленькая, неухоженная, средств нет, поэтому решил помочь. И первым из выпускников дал деньги на ремонт и оборудование класса, в котором учился. Он хотел, чтобы дети почувствовали: через знания

и школу можно вырваться. Я ему благодарна за то, что он тормозит своими поступками всех остальных. Его благотворительность вызвала ажиотаж среди выпускников: он может, а мы нет? Было целое движение, все хотели хоть чем-то помочь.

На счет городского РОНО в качестве официальной благотворительной помощи поступили 150 тысяч рублей. А чиновники нашего царства-государства решили эти деньги «покрутить». Олег позвонил мне из Италии: «Получила деньги?» Я говорю: «Нет». Он давай меня матом крыть: «Что ты рот разинула, ищи деньги». У него это бывает. Я обратилась к знакомым местным криминальным авторитетам, ведь когда-то и они были моими учениками. Деньги сразу нашлись.

За каждую копейку я отчитывалась перед ГОРОНО, но мне ещё предстояло отчитаться перед Олегом. Я знаю своего ученика: он может быть добрым, но в отношении денег очень жёсткий.

Мы заказали мебель в класс, её долго не везли. До 1 сентября оставалось совсем мало времени. Опять пришлось к «криминалу» обращаться. Ребята очень хорошо к Олегу относятся, уважают его за помощь школе. Они съездили в Кемерово, в фирму по производству мебели. В результате на следующий день заказ привезли, за ночь собрали и установили.

Когда Олег приехал, я все показала – вот, окна поменяли, пол полностью перебрали и постелили линолеум, купили мебель, доску, видеодвойку, видеокамеру, фонотеку для географии. Кажется, слушал вполуха, но всё запоминал, интересовался деталями. Он не просто дал деньги «с барского плеча» – он хотел убедиться, что его деньги сработали.

А когда в следующий раз приехал смотреть, мы уже всё полностью оборудовали. Вспоминали, как летом 1980 года в школу привезли новую мебель, и дети с родителями и рабочими ПТУ сами её собирали. Все стулья сохранились, в том числе и собранный и подписанный Олегом 20 с лишним лет назад. На этот стул посадили его сына Пашу.

Это не единственная помощь Олега. Мы очень хотели, чтобы он школу построил, но он решил детский городок вместе с Натальей Водяновой и Алексеем Прилепским. Молодец! Я в нём ценю человечность. Когда он приезжает, мы не видим снобизма – мол, смотрите, какой я. Он всегда обо всех справится, поинтересуется, как идут дела, кому надо помочь.

Мы когда в последний раз собирались с классом, с грустью отметили, что уже шестерых человек нет в живых – лучших друзей Олега. Кто по каким тропинкам пошёл... Кто-то в криминал, две девушки спились. Мальчишки-одноклассники не хотят в это верить.

Кто-то из моих ранних выпускников прошёл Афганистан, из более поздних – Чечню, и теперь им трудно вписаться в мирную жизнь.

Вообще у меня после класса, где учился Олег, были выпуски хуже. Например, в одном классе все парни, за исключением одного, отсидели. Многих похоронили. Тот район, где Олег рос, стал рассадником наркоты. Спасибо спорту – он помог Олегу зацепиться и уехать подальше.

Об Олеге у меня только прекрасные воспоминания. Он бывает жёстким, резким, но всегда дружит с головой. Я хочу, чтобы у него сохранилась хватка, способность чувствовать ситуацию – то, что мы не умеем. Пусть будет всё хорошо.

Вы, молодые, живёте современной жизнью, вы внутри неё. А мы уже на обочине и не можем активно влиять на происходящее, только через вас. Дети умнее учителей. Мы даём основу, закладываем фундамент. А что вырастет дальше, зависит от ребёнка. В каждом ученике, какой бы он ни был, есть своя изюминка. Главное – не давить на детей, они сами поднимутся. Мой девиз: «Учитель, воспитай ученика, чтобы было у кого учиться».

Глава 7

Перемен! Мы ждём перемен

При поступлении в Ленинградский горный институт надо мной сжалился преподаватель физики. На экзамене я не смог рассказать про второй закон Ньютона. Он посмотрел на мои сержантские погоны, значки отличника погранвойск и сказал:

- Ты обещаешь выучить физику до начала занятий?
- Обещаю!
- Хорошо, ставлю тройку.
- Спасибо!!!

Я был очень рад, учитывая, что за сочинение и математику мне уже поставили четвёрки. Я поступил! Не зря пришёл в форме пограничника. Иначе – Московский вокзал и поезд в Ленинск-Кузнецкий, чего мне очень не хотелось. Не помню, как зовут того преподавателя, но я бы сейчас отблагодарил его за то, что дал шанс попробовать себя в Ленинграде.

Как ни странно, учился я хорошо. Поскольку поступил еле-еле, пришлось дать себе слово, что буду заниматься. Сидел на первой парте – так лучше впитываются знания. До сих пор помню: математику нам преподавал профессор Лобазин, а физику – профессор Мезенцев. Если что-то не понимал, после пары подходил к профессору и просил объяснить. И занятия принесли плоды: я первым из группы вышел на сессию и даже стал одним из четырех студентов, кто сдал физику с первого раза.

Ленинград конца 80-х ассоциируется у меня с группой «Кино» и Виктором Цоем

В институте я познакомился с наивысшей степени культурными, интеллектуальными людьми. Лучшими людьми страны. Профессора являлись воплощением интеллигентности. Их речь, манера подачи материала, свободолюбие и честлюбие очаровали меня. Поражаюсь,

откуда явные антисоветчики взялись в государственном вузе в СССР? Они критиковали советскую власть, кто-то делал это «между строк», более смелые говорили прямо. Кто-то из них запросто после лекции мог сказать: «Не забудьте, сегодня вечером выступает группа «Наутилус Помпилиус»». Профессора горного заложили зёрна моего нонконформизма, моей внутренней свободы.

Не знаю, как было в Москве, но Питер в тот период просто расцвёл. Город изначально, после основания в 1703 году, был столицей свободомыслия. И восстание декабристов 14 декабря 1825 года, и восстание рабочих 9 января 1905 года, и революция 1917 года состоялись тут. Неудивительно, что в 1988-1990 годах в Ленинграде сконцентрировались антисоветские настроения. И мне непонятно, почему сейчас, когда у нас в стране такой застой, из Питера нет протеста.

Тогда же свобода витала в воздухе. Мне всё это очень нравилось. Помню, купил себе кооперативный значок «Егор, ты не прав!». Имелся в виду Егор Лигачёв, прервавший выступление Бориса Ельцина такими словами: «Ты, Борис, не прав. Мы расходимся с тобой уже не только в тактике. Борис, ты обладаешь огромной энергией, но эта энергия не созидательная, а разрушительная!» Но народ решил, что не прав был Егор. Мы поддерживали Ельцина, считая, что именно он может избавить страну от коммунизма.

Но, конечно, всё начал Михаил Сергеевич Горбачёв, имевший силу и мужество подточить советскую систему ИЗНУТРИ. Из всех руководителей СССР и России в XX веке больше всех я уважаю именно его. Он был членом этой коммунистической мафии – другого слова нет – и решился пойти против неё. Если пользоваться бандитским сленгом, он поступил «не по понятиям», он ослабил свою организацию, ради того, чтобы дать свободу НАМ.

Многие говорят, что у Горбачёва не оказалось выбора – только двигаться по течению. Я так не думаю, выбор был: всегда можно попробовать закрутить гайки, как это сделал в 1982-1983 годах Андропов. Но человек, избранный генсеком единственной в стране партии, оказался приверженцем демократических и либеральных взглядов. Горбачёв – самый яркий и великий русский политик. Недаром он имеет такую славу и уважение на Западе. Единственное, что он сделал неправильно, – алкогольная реформа. Он, безусловно, войдёт в мировую историю как человек, положивший конец коммунизму. Ельцин – как первый президент России. Ещё в историю войдут Ленин и Сталин – с огромным знаком минус. Насчёт остальных – очень сомневаюсь.

Жаль, что Михаил Горбачёв сейчас изолирован – и от принятия политических решений, и от средств массовой информации. Очень жаль, что мы почти не слышим и не видим Михаила Сергеевича, а иногда он даже участвует в клоунаде, рекламируя Louis Vuitton и Pizza Hut. Конечно, политик такого уровня этим заниматься не должен.

Когда он умрёт, мы будем плакать, причитать и вспоминать, какой он хороший. А мне хочется сейчас, пока он живой, поблагодарить его за то, что придушил коммунистическую гидру.

Михаил Сергеевич, СПАСИБО! Низкий вам поклон!

Мы до сих пор слышим голоса уродов, хвляющих Советский Союз. Ну что там хвалить? И, к сожалению, нынешние российские власти часто апеллируют к СССР и даже хотят его реставрации и возврата. Но чего точно не хочу я – чтобы мохеровые шарфы по плану распределялись в Душанбе, где самая низкая температура плюс 10, а пластиковые клюшки для хоккея на льду шли в Ташкент. Экономика совершенно не работала, развал системы был делом времени. Ещё и Америка нас в гонку вооружений завлекла, но даже если б не она, крах был неминуем.

В последние годы у нас шло огосударствление экономики, и сегодня гримасы социализма снова начинают вылезать. На «Газпром» повесили полэкономки вместе с футбольными и хок-

кейними клубами. Мы топчемся на месте, хотя Горбачёв сделал прорыв, а Ельцин дал стране ускорение. Сейчас этот вектор утерян, мы болтаемся на месте и даже возвращаемся назад.

Подчёркиваю, что я рассуждаю с экономической точки зрения. Я не политолог и не политик и не знаю, сколько надо партий в стране. Понимаю, что точно не одна. А в экономике должны работать капиталистические механизмы – лучше ничего не придумали. Посмотрите на экономический прорыв в коммунистическом Китае. Он основан на рыночных принципах, никаких социалистических подходов там нет и близко.

Летом 1988 года, перед моим поступлением в Горный институт, прошла 19-я партийная конференция, где наметились изменения в КПСС. Стало понятно, что коммунизм слаб и долго не протянет. Задул ветер перемен – с Балтики, с Финского залива, из Европы. Группа Scorpions споёт о ветре перемен только в 1990-м, а тогда на всю страну гремела группа «Кино»:

Перемен! – требуют наши сердца.

Перемен! – требуют наши глаза.

В нашем смехе и в наших слезах, и в пульсации вен:

«Перемен! Мы ждём перемен!»

Благодаря гласности стало возможным в открытую обсуждать политику – Александр Невзоров уже вёл свою острую программу «600 секунд», неимоверно популярен был фильм «Асса» Сергея Соловьёва. Всё это подпи-тывалось и музыкой: «Алиса», «Кино», «Наутилус Помпилиус», «Телевизор», «Бригада С», «Поп-механика». Я ходил к Казанскому собору, где собирались панки, видел Виктора Цоя, набивавшего зоську; на улице встречал Бориса Гребенщикова, на Невском проспекте познакомился с Сергеем Курёхиным.

В институте в первом же семестре профессор по тригонометрии рассказал нам про Анатолия Собчака – мол, есть такой человек, преподаёт в соседнем университете. Звезда Собчака только загоралась, а боролся он за самые обычные западные ценности – демократию, свободу личности, частную собственность.

В конце 1980-х у нас была вера, что всё поменяется и именно мы этого добьёмся. Недаром главными революционерами считаются студенты. И весной 1989 года случилось чудо: мы избрали Анатолия Александровича Собчака народным депутатом СССР от 47-го Василеостровского округа Ленинграда. Я счастлив, что в той победе был и мой голос. Собчак не смог победить в первом туре, хотя набрал больше всех голосов. Зато во втором туре выиграл без вопросов. Один из пунктов для голосования был у нас в общежитии, в доме №5 на Шкиперском протоке.

О крещении

В декабре 1988 года я пошёл креститься в Никольскую церковь. Батюшка спросил:

– Ты знаешь «Отче наш»?

– Нет.

– Тогда я тебя не могу крестить, иди учи.

Молитву я выучил в самолёте, когда в очередной раз летел в Сибирь. До сих пор помню:

«Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Аминь».

И 25 декабря 1988 года, в день рождения, батюшка меня покрестил.

Я влюбился в Петербург. Васильевский остров, автобусы с иностранцами, импортные товары, цветные огни, широкие проспекты, пароходы – фантастика для провинциального парня, особенно после того, как он чуть не стал советским прапорщиком. И я просто сошёл с ума. Меня поражало величие здания Горного института, статуи при входе, огромное крыльцо, ведущее к Неве, соседство с Балтийским заводом, где стоял на реконструкции знаменитый ледокол «Ленин». Такое я видел только по телевизору. Своё состояние по приезду в Ленинград я назову эйфорией, я всё время был как будто «под кайфом».

С тех пор у меня с этим городом свои, специальные отношения. Именно в этом красивом, великом городе я вырослел, формировался как человек и как бизнесмен. Я, к сожалению, не коренной ленинградец, но, наверное, в большей степени патриот, чем многие, родившиеся в городе. Конечно, я считаю себя сибиряком, но после 13 счастливых лет в Питере я теперь и самый настоящий петербуржец.

Здесь я учился в институте, познакомился с будущей женой и создал почти все свои бизнесы. Ничего подобного мне не дал ни один другой город на свете.

Поэтому процитирую Иосифа Бродского:

Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я приду умирать.

Глава 8

Горный торговый институт

Ленинградский горный институт – старейший технический вуз России и фактически основоположник мировой горной науки. Поэтому в конце 1980-х годов в нём учились студенты не только из социалистического лагеря, но даже американцы и немцы из Западной Германии. В основном же, конечно, приезжали люди из стран «третьего мира» – Азии и Африки.

Возвращаясь с каникул, они везли с собой товары. Многие летели транзитом через Берлин, а студенты из бывших французских колоний (Алжир, Буркина-Фасо, Берег Слоновой Кости) – через Париж. Все они пытались подзаработать: приезжали сюда с джинсами, парфюмерией, кассетами, а после сессии увозили с собой валюту – доллары, марки или франки.

Иностранцы плохо умели, а может быть, просто боялись торговать на улицах и поэтому продавали товар русским спекулянтам. Таким, как я. «Выйдя на улицу», я стал получать в полтора-два раза больше. На эти «два процента» и жил. Правда, деньги у меня долго не задерживались – мы в общаге любили покутить.

Я быстро понял, что в Сибири можно продавать дефицитный товар ЕЩЁ ВДВОЕ дороже. Например, косметические наборы в Ленинграде я мог продать по 25 рублей, а в Ленинске-Кузнецком они стоили 50. Для помады вилка цен составляла 15-25 рублей. Естественно, по возможности я старался продавать в Сибири.

Косметические наборы в Ленинграде стоили 25 рублей, а в Сибири – вдвое дороже

В Ленинске приходил на обувную фабрику или камвольно-суконный комбинат, где работали женщины. Поскольку через проходную не пускали, залезал в окно. Работницы уже знали, что есть такой Олег из Ленинграда и он привозит дефицитные импортные вещи. Мне даже удавалось продавать дороже, чем на местном рынке, потому что женщинам было прикольно купить прямо в цехе – вот вам значение сервиса в бизнесе!

(Те уроки я помню до сих пор, в частности, депозитная программа, запущенная банком «Тинькофф Кредитные Системы» в 2010 году, основана на том же принципе: представитель банка САМ приезжает к клиенту для оформления вклада.)

Эдуард Созинов, школьный друг Олега Тинькова:

Приезжая в Ленинск-Кузнецкий, Олег всё время что-то привозил на продажу, подрабатывал таким нехитрым способом. Раньше это называлось спекуляцией, а теперь бизнесом. Хотя я считал и тогда, что это вполне нормальное занятие. Привозил под заказ джинсы, куртки – конечно, в небольшом количестве. Но в основном косметику: женщины падки на такие вещи, а в магазинах ничего не было. Помада и духи «на ура» расходились, так как стоили недорого. А вот джинсы не каждый мог себе позволить...

Временами, правда, товар оказывался полным фуфлом. Как-то я закупал у цыган на Староневском проспекте помаду с блёстками и однажды увидел, как они её делают. Цыгане брали блестящие обёртки от шоколадок, мелко их нарезали и добавляли в помаду.

Помимо иностранцев я брал товар у студента Горного института Игоря Спиридонова, приехавшего из Прокопьевска Кемеровской области. Гоша торговал мелким оптом: если косметические наборы, то целая коробка; если помада, то блоки по 100 штук; если видеокассеты VHS, то упаковка. За наличные я взял первую партию товара и реализовал в Сибири. Через неделю купил ещё, а потом Гоша по-землячески предложил брать побольше товара, а деньги отдавать после продажи. То есть я зарабатывал на разнице, не вкладывая ни копейки.

Одно время летал три-четыре раза в месяц. Набивал пару сумок, покупал билет на самолёт в Кемерово за 60 рублей и продавал товар в Сибири в разы дороже, чем в Питере. Конечно, летал не только ради бизнеса, но и чтобы встретиться с друзьями – Эдиком Созиновым, Лёхой Смирновым, Женькой Бреховым, Лёхой Прилепским. Последних двух я даже сагитировал податься в Питер.

Игорь Спиридонов, коммерческий партнёр Олега Тинькова в студенческие годы:

Я жил в общежитии на Малом проспекте, а Олег на Шкиперке. У Олега были хорошие связи для продажи товара в Сибири, а я знал, где купить дешёвый товар в Питере. Это был самый ранний этап спекуляции – одежда и парфюмерные наборы. Потом уже стали спекулировать валютой и техникой и зарабатывать «по-взрослому».

Первый раз Олег пришёл ко мне в общагу на Малом проспекте, сказал, что сам из Ленинске-Кузнецкого (то есть мы почти земляки; я родом из Прокопьевска Кемеровской области), слышал про меня и хочет закупить товара. Уже через неделю он пришёл снова и сказал, что всё продал. «Хорошие у него темпы», – подумал я. В основном Олег закупал косметические наборы, видеокассеты VHS, помаду. Потом мы с ним по-землячески договорились, чтоб он брал побольше товара для торговли в Сибири, а часть денег отдавал по возвращении.

Потом стал делать и «обратный» бизнес. В Ленинске-Кузнецком югославы строили больницу. Строители жили в так называемом «югославском городке», в вагончиках. Они привозили немецкие марки, а на иностранную валюту в советских магазинах ни водки, ни угощений для девочек не купишь. Поскольку сибирякам валюта не нужна, я покупал её у югославов по баснословно низкой цене и загонял спекулянтам на Васильевском острове. Если не ошибаюсь, покупал по пять рублей, а продавал по девять. Вот такой советский Forex!

В Горном институте в основном учились ребята из регионов, где есть добывающая промышленность. Много было студентов из Кузбасса, Донбасса (Донецк, Червоноград, Шахты), Воркуты и Ухты. Попадались ребята из Сланцев и Якутии, где добывают алмазы. Я старался держаться ребят из Кемеровской области, так как привык доверять землякам. Считал, что они более надёжные и понятные люди.

Но это чуть не вышло мне боком. Виталик из Кемерово, старше меня лет на пять, втянул меня в довольно мутные дела, связанные с торговлей золотом. И я перешёл несколько границ. Стыдно вспоминать, но дошло до того, что я участвовал в натуральном воровстве. Слава Богу, мне хватило сил и ума, чтобы отойти от этих людей. Господь отвёл. Меня хотели отчислить из института, я потерял многое и прежде всего – своё реноме в общежитии. Но главное – я отошёл от этой компании.

К чему я это пишу? Все мы не идеальны. Молодые ребята, приезжая в другой город, будут попадать в дурные компании. Надо стараться этого избежать, но, если уж попал, имей силу уйти. Теперь я никогда не осуждаю оступившихся. Помните, даже Буратино попал в дурную компанию, но он проявил характер и бросил её. А в той истории я был как Буратино, мне просто запудрили мозги красивой жизнью: рестораны, дискотеки, кабаре... Всё это очень влекло, ведь до Питера я и в ресторанах, по сути, не был.

Так или иначе—я решил НИКОГДА не заниматься криминалом. И хотя статью, предусматривающую ответственность за спекуляции, из Уголовного кодекса убрали только в 1991 году, времена, когда реально могли за это посадить, уже закончились. Конечно, нужно было быть аккуратнее, но жажда хорошей жизни сильнее страхов. Не спекулировать я уже не мог.

Каждый день спекулянты собирались в Горном институте на большой перемене, после второй пары, в широком квадратном коридоре, который называли пятаком. На территорию института пропускали без документов, и даже спекулянты с «Апрашки» (Апраксин двор) и «Галёры» (Гостиный двор) приезжали к нам за товаром. На пятаке шла активная коммерческая деятельность – продавали одежду и технику, меняли валюту. Торговля эволюционировала. Поначалу спросом пользовались одежда, парфюмерия, затем – аппаратура. Года два на пике продаж находились двухкассетные магнитофоны – мы их называли «мельницами».

Спекулянты Горного института были широко известны. Хотя рядом на Васильевском острове находится большой Ленинградский госуниверситет, наши его «забывали». По сути, общаги всего города были под контролем людей из Горного. Некоторые студенты приезжали на «семёрках», «девятках» – продукция ВАЗа тогда была в почёте. Представляете, студенты со стипендией в 50 рублей ездят на новых машинах, которые на «чёрном рынке» стоили 20-25 тысяч рублей!

Оглядываясь назад, могу сказать, что в Горном институте шло становление коммерции Петербурга. В городе сейчас полно бизнесменов, учившихся в Горном, и, думаю, все они периодически мысленно возвращаются к этой большой перемене, к пятаку, где все мы выросли. Среди них есть и люди, сумевшие войти в высшую бизнес-лигу, например, основатель торговых сетей «Лента» и «Норма» Олег Жеребцов. Он приехал учиться в Горный институт из Кабардино-балкарского города Тырнауза, и мы познакомились сразу после заселения в общежитие – вместе пришли стирать носки. Олегу я очень благодарен, так как он посоветовал использовать для продаж советскую систему обснабов, но об этом позже.

Студенты зарабатывали, как могли. Днём покупал водку в магазине по 10 рублей, а продавал её ночью в общежитии по 20. Некоторые считали это скотством, но у меня другое мнение. Если не пошли днём в магазин купить водку, значит, пусть переплачивают ночью. За всё надо платить, в том числе за неожиданное желание выпить. Студенты ругались, но водку покупали. Одному студенту родители прислали видеомэгагнитофон, и он собирал с других по рублю за просмотр фильма в своей комнате. Всё правильно и честно: видеомэгагнитофон был активом, который должен приносить доход. И мы в общежитии не спали всю ночь, смотря фильмы с Сильвестром Сталлоне, Брюсом Ли и Арнольдом Шварценеггером. Боевики тогда казались нам киношедеврами.

* * *

Мне нравился Питер, но я очень скучал по друзьям из Ленинска. И зимой, после первой сессии, чуть не совершил роковую ошибку. В Советском Союзе работала система переводов между институтами: можно поступить в вуз попроще, а потом перейти в более престижный. Зимой 1989 года я приехал переводиться в кемеровский КузПИ – Кузбасский политехнический институт. Он, как и Ленинградский горный институт, тоже готовил людей для шахт.

Девушка в отделе переводов посмотрела на меня как на умалишённого:

– Ты что, дурак?

– А в чём, собственно, дело?

– У нас 50 человек стоят в очереди, чтобы из Кемерово переехать в Ленинград. Ты чего делаешь, парень? Ерундой не занимайся!

Она меня переубедила, и я забрал уже поданные документы на перевод. Этот случай тоже считаю провидением – сотрудница института могла бы молча оформить бумаги, и работал я бы сейчас в Ленинске каким-нибудь инженером на шахте!

Один из первых моих дольчиков Олег Коростелёв, его жена Вера, Рина и я в ресторане «Морской»

Глава 9

Бандитские истории

В Ленинске-Кузнецком я видел настоящих блатных, настоящих бандитов. Приехав же в Ленинград, я столкнулся со спортсменами, называвшими себя бандитами. Они приезжали из Тамбова, Казани, Воркуты и, поскольку ничего больше не умели, начинали «бандитствовать». Группировки формировались по земляческому принципу, и Питер отличался от других городов малым числом южных землячеств. Чеченцы, дагестанцы играли небольшую роль здесь, главные позиции занимали славянские группировки, в которых преобладали бывшие спортсмены, а не «настоящие» бандиты.

Не сталкиваться с бандитами, занимаясь бизнесом в Питере в конце 1980-х, было невозможно. Впервые это произошло, когда мне в гостинице «Прибалтийской» удалось за 50 долларов – немыслимые по тем временам деньги – продать иностранцам банку чёрной икры. Я держал в руках такую купюру в первый раз в жизни и чуть с ума не сошёл. На мою беду, местные бандиты увидели, что я торговал, и решили «поставить на деньги». Пришлось убежать через кухню ресторана мимо сковородок с готовящейся едой. Точно так, как показывают в фильмах про мафию.

Горный институт попал «под крышу» воркутинских – здоровых агрессивных ребят, качавшихся в клубах. Нельзя сказать, что они представляли собой толковую структуру, скорее – биомассу. Они облагали данью проституток на Васильевском острове, валютчиков, мажоров, торговавших матрёшками. Ничего серьёзного – тупой рэкет. Сейчас я понимаю, что бандитам доставались небольшие деньги, но тогда они казались супербогатыми людьми: ездили на девятках и ходили по ресторанам.

Первое моё столкновение с воркутинскими произошло на первом курсе института. Вместе с нашим комсоргом Витей Черкашиным мы возвращались из пивного бара напротив Казанского собора. Пьяненькие, мы зашли в общагу, а там в очередной раз куражились воркутинские. Их боксёр Игорь приставал к людям, а рядом веселилась наблюдавшая за этим кодла воркутинских. Идём мы с Витей по коридору, а они – навстречу. Тут я понял: будут бить и, возможно, ногами. Прижмёшься к стенке – наедут, пойдёшь прямо на них – тоже наедут. Наедут в любом случае. Когда мы подошли, боксёр встал в стойку и говорит: «Ну что, Тинёк?» – с явным желанием поглумиться.

Что делать? Пиво и безвыходность ситуации придали мне смелости, отступить было некуда. Я вспомнил, что уже полгода занимаюсь боксом в секции Горного института, и отработали мы только один удар – прямой правой. Недолго думая, я встал в позицию и исполнил этот удар. Попал удачно для себя и неудачно для Игоря – в челюсть. Боксёры знают, что это самый неприятный удар – человек сразу падает. Теперь, думаю, всё – убьют. Но дружки, стоявшие рядом, вопреки моим ожиданиям, ввязываться не стали. Никто не хотел лечь вторым, они просто обосрались! Я крикнул что-то вроде: «Так будет с каждым!» – и ретировался.

Понимая, что мне конец, я через пять минут выбежал из общаги, поймал машину и уехал ночевать к своей очередной девушке, которая училась на экономическом факультете и жила на Большой Морской улице. На следующий день после занятий пришёл к себе. Сижу. Жду. Знаю, что придут. Заходит парламентарий: «Олег, поговорить бы надо». Я взял складной ножик, которым мы с Андрюхой Павловым резали картошку. По дороге в кармане его раскрыл. Сто процентов – при необходимости я бы пустил нож в ход. Но, слава Богу, не пришлось. Игорь, ещё до конца не отошедший от удара, начал наезжать: «Ну, чего будем делать? Ты первый ударил, это не по понятиям». И пошёл левый базар. Они поняли, что не на того нарвались, и пытались мягко съехать с темы, сохранив лицо. В общем, мы помирились. Позже, когда встре-

чались в коридоре, этот парень инстинктивно отходил от меня подальше. Вот что значит один хороший удар! Мой совет – всегда лучше бить первым. Это «по понятиям». В противном случае первым ударят вас.

Эдуард Созинов, школьный друг Олега Тинькова:

Городские драки в Ленинске-Кузнецком прекратились вскоре после того, как мы демобилизовались из армии в 1988 году. Потому что стали распространяться наркотики. Все в одночасье объединились, стали друзьями и братьями. Сначала в ходу были в основном анаша и марихуана, потом героин. В начале 1990-х этот бич захлестнул город, много наших ровесников умерло. Молодежь практически поголовно употребляла, никто этого не избежал. Все, по крайней мере, попробовали. Не знаю, как в Москве и Питере, но думаю, по всей стране наркомания и сейчас процветает.

В то ужасное и мрачное время Олег даже опасался приезжать: повсеместно царили наркомания и бессмысленные убийства. В течение нескольких лет постоянно кого-то расстреливали и хоронили.

Олег осторожничал. Просил, чтобы о его приезде особо не распространялись. Однажды прошла информация, что его ищут. Чуть ли не убить хотят. Пацаны-то прознали, что он при деньгах. Вот и хотели забрать все, что можно. Думаю, изначально стояла задача поймать, «поставить на деньги» и посмотреть, как человек себя поведет, можно ли доить дальше.

Олег говорил, что в Питере с блатными можно разговаривать человеческим языком, а с местными – бесполезно. Он и не пытался. А приезжать-то приходилось частенько, так как он делал дела в Ленинске. И родителей нужно было навещать. Он старался у них не ночевать в целях безопасности, мы каждый раз находили ему квартиру.

Однажды, сразу после путча 1991 года, Олег привёз на продажу большую партию вина и водки и что-то из одежды, кажется, юбки джинсовые. Забили товаром всё городское бомбоубежище. Но произошла кража, очень много вынесли. Олег даже обращался в милицию, но так никого и не нашли. Хорошо, что мы успели с Женькой Бреховым накануне часть водки и вина развезти по магазинам.

Моя рожа стала везде мелькать, а слава обо мне – расплзаться. В один прекрасный день на большой перемене подошли крепкие люди в чёрных кожаных куртках из числа воркутинских: « Выйдем. Поговорить надо».

Мы вышли на лестницу у кафедры химии.

– Ты здесь торгуешь...

– Да, зарабатывать пытаюсь.

– Будешь нам теперь платить. Братву кормить надо.

– А я-то при чём?

– Слышь, ты! Хочешь больших проблем?

Я, конечно, к такому ходу событий заранее подготовился:

– Мне по фигу, кого вам надо кормить, у меня есть папа, мама и брат, я только им должен и никому больше. Если на меня ещё раз наедете, напишу заявление в милицию.

– Слышь, ты что, бля?! Это не по понятиям!

– Меня не интересуют твои понятия. У меня – свои.

– Ну ладно, чего с этим мусором разговаривать... – они поугадили меня и ушли.

Естественно, они больше не появлялись, и я продолжал работать.

С того времени я понял, что глупых «полевых» бандитов можно напугать, а крупных надо использовать, например занимать у них деньги. Они богатые и голова на плечах есть. Потом я занимал деньги у организаций, про которые чётко понимал, что они контролируются людьми, чьи имена часто упоминают в криминальной хронике. У них я брал кредиты вместо банков под вполне разумный процент. Мне какая разница, где занимать? У них капитал, а мне не хватало денег для разных проектов. А кто будет трогать человека, который тебе должен? Никто. Они думали, что используют меня, а я считал, что использую их. В живых из тех людей уже мало кто остался, но кое-кого в Питере, бывает, вижу. Теперь они понимают, кто кого использовал: я-то платил им фиксированный процент, а зарабатывал с помощью их денег намного больше.

В 1990-х бандиты любили схему под названием «вырастить кабанчика». Предпринимателю давали денег, получали долю в бизнесе, и, когда компания раскручивалась, владельца «выдавливали». Или убивали. На бизнес в доле с бандитами я никогда не шёл, это всегда плохо заканчивалось.

Тогда надо было постоянно думать о личной безопасности, и я выстраивал схемы её обеспечения. Думать, думать, думать! Каждый шаг мог стать роковым. Сейчас я использую свои ноу-хау, отработанные в бандитском Петербурге. Одно из таких ноу-хау: я никогда не стесняюсь написать заявление в прокуратуру. Если кто будет наезжать, тут же напишу во все инстанции, начиная с президента. Я честно зарабатываю деньги, так что пусть наезжают на торговцев наркотиками, на тех, кто не платит налоги или возит контрабанду. Вор у вора крадёт – это их проблемы. Мой совет начинающим предпринимателям: не стесняйтесь придавать огласке свои проблемы.

Вымогатели будут, пока бизнесменам есть что скрывать. Пока, к сожалению, далеко не все соблюдают законы. Многие хотят обогатиться за полгода, купить яхту, самолёт и улететь в Монако, поэтому не платят налоги и пошлины, дают взятки. Этим и пользуются вымогатели.

Моя ситуация другая. Я уже 20 лет впахиваю и ничего сверхъестественного лично для себя не приобрёл. По сравнению с обычным человеком я очень богат, это факт, но, с точки зрения самых богатых людей, я нищий. Я не привык к быстрым деньгам и не хочу ради них нарушать законы или идти на сделки с собственной совестью. Поэтому не допущу, чтобы меня кто-то ущемлял, это несправедливо, и я буду защищаться всеми доступными методами. Пусть прессуют тех, кто ворует из бюджета или у других людей. В конце концов, я из Петербурга, и многие мои товарищи сейчас высоко. Меня уважают и всегда помогут в случае проблем. Тут многие воскликнут: «У нас-то нету влиятельных питерских друзей!» Ребята, надо думать головой и вести бизнес так, чтобы на вас не наезжали.

Опять же, я никогда не занимался бизнесом, где есть сверхприбыль, интересующая бандитов. Многих моих знакомых и друзей убили – и даже непонятно, за что, – но вокруг меня пули не свистели даже в те суровые и тупые времена, когда цена человеческой жизни просто свелась к нулю.

Впрочем, один случай с пулями всё же был, но с бизнесом он не связан. 25 декабря 1992 года я отмечал день рождения в гостинице «Прибалтийская». После ужина я пригласил всех гостей – человек восемь-десять – на дискотеку «Эльдорадо» в гостинице «Карелия». Вотчина тамбовской группировки. Рядом за двумя столами сидели бандиты и косились в нашу сторону. Ночью девушки с дискотеки разбежались, и остались только наши жёны. И тут один из бандитов – блатной маленького роста в кепке – подходит к Рине, протягивает руку и говорит: «Па-а-шли па-а-танцуем». Я беру кепочку, натягиваю ему на морду и посылаю на три известные буквы русского алфавита. Он меня ударил первым, я ответил, тут началась драка: нас пятеро, а их человек двадцать. Драку милиционеры прекратили, бандиты вышли на улицу, сели в машины и стали дожидаться нас. Менты, работавшие в «Карелии», зависели от этих бандитов, возможно,

те им приплачивали. И менты прямым текстом нам говорили: «Ребята, вам пиздец, никаких шансов нет. Вызывайте свою «крышу», иначе вас просто убьют».

До ментов доходит как до жирафа: через полчаса они сообразили, что если нас убьют, то им тоже несдобровать, и предложили ехать в отделение милиции. К выходу из дискотеки задом подогнали милицейский «бобик», и мы по очереди стали забегать в него. Увидев, что обидчики сматываются, бандиты с пистолетами повыскакивали из своих BMW.

Менты стали палить в воздух: «Всем по машинам!» Когда «бобик» тронулся, бандитские машины поехали за ним, прямо до отделения милиции. Ужас! Триллер! В отделении менты нас посадили в клетку и сказали: «Сидите до утра и звоните «крыше», чтобы вас забрали». Я очень ценю свободу, но в тот раз был искренне рад провести ночь за решёткой. К утру бандитов уже не было, мы разъехались по домам и в следующие пару недель старались на улицу без лишней надобности не выходить.

Глава 10

Девушка из Эстонии

В общежитии Горного института на Наличной улице жили студенты разных факультетов. В апреле 1989 года там проходила дискотека, где я встретил классную девчонку Иру. Мы потанцевали, и я влюбился. Всегда стараюсь довести дело до логического завершения, но в тот раз не удалось. В разгар вечера Ира исчезла: видимо, поднялась к себе. Мои поиски не привели к результату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.